

«Управа высшего благочиния»

Знаменитое III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии — для кого-то гнездилище душителей свободы, для кого-то оплот порядка — возникло не на пустом месте.

XIX век принес России большие перемены. Не последнюю роль в создании образа либерального царствования Александра Благословенного играло демонстративное упразднение леденившей души всех сословий Тайной экспедиции Сената. Однако, без “высшей” полиции государство существовать не может. И в контексте административных реформ нашлось место для экспериментов в области политического сыска.

Функции Тайной экспедиции легли на плечи обер-полицмейстеров и генерал-губернаторов обеих столиц, а с 8 сентября 1802 года их попытались сосредоточить в одном из подразделений новоиспеченного Министерства внутренних дел. Александр I отдал дань и секретным Комитетам, столь модным в то время своеобразным лабораториям государственных преобразований: 5 сентября 1805 года был образован так и не приступивший к работе Комитет высшей полиции; 13 января 1807-го — “Комитет для расследования дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общественного спокойствия”, просуществовавший до 1829 года. Освободив местную администрацию от дел с политической окраской, Комитет стал важным судебно-следственным органом империи, но отнюдь не единственным.

В 1810 году учреждается Министерство полиции: департамент полиции исполнительной ведал административно-полицейским аппаратом и исправительными заведениями; департамент полиции хозяйственной — продовольственными делами и приказами общественного призрения; департамент полиции медицинской — лечебными учреждениями и их снабжением. Важнейшим подразделением министерства была Особенная канцелярия, в компетенции которой находились “дела благочиния”, иными

словами — политический сыск. Это подразделение осуществляло также функцию контрразведки, что было весьма актуально в накаленной политической атмосфере Европы эпохи Наполеоновских войн (с 1810-го по 1812 год на территории Российской империи было задержано 39 гражданских и военных лиц, работавших на иностранные разведки). Спустя десятилетие Особенная канцелярия перекочевала под крыло Министерства внутренних дел.

В пестром калейдоскопе учреждений, которые решали задачи охраны государственной безопасности, можно заметить лишь одну жизнестойкую структуру — жандармские части, возникшие в 1815 году в действующей армии для наблюдения за порядком в войсках. Правда, тогда они еще не являлись исполнительными органами политической полиции.

В попытках создания европеизированной системы политического сыска Александр I ориентировался на опыт Франции, где Наполеону удавалось осуществлять принцип “разделяй и властвуй” с помощью нескольких параллельных структур, контролировавших друг друга. В России же взаимоотношения и полномочия целого ряда ведомств, на которые были возложены одни и те же функции, так и не получили четкого определения, что снижало и без того не высокую эффективность их деятельности.

Прозвучав отходной по веку Просвещения, залпы картечи на Сенатской площади стали началом никогда больше не исчезавшего противостояния власти и образованного меньшинства. “Власть, — писал из Сибири декабрист Михаил Лунин, — на все дерзавшая, всего страшится. Общее движение ее — не что иное, как постепенное отступление, под прикрытием корпуса жандармов, перед *духом* Тайного общества, который охватывает ее со всех сторон. От людей можно отделаться, но от их идей нельзя”¹.

Справедливость этого утверждения признавал, вероятно, и сам Николай I, по приказу которого был составлен Свод показаний декабристов о

¹ Цит. по: Эйдельман Н.Я. Вьеварум. Лунин. М. 1995. С. 514.

внутреннем состоянии России, постоянно находившийся в его кабинете. Картина “злоупотреблений и беспорядков во многих частях управления” убеждала нового императора, обладавшего ясным прагматическим складом ума, в необходимости преобразований, несмотря на весь его непреодолимый консерватизм, который укреплялся плачевным итогом царствования Александра I, обильного реформаторскими начинаниями.

В намерения декабристов, между прочим, входило и создание политической полиции как неперемennого атрибута государства. В “Записке о государственном управлении” Павел Пестель рассуждает о “вышнем благочинии”, которое “охраняет правительство, государя и государственные сословия от опасностей, могущих угрожать образу правления, настоящему порядку вещей и самому существованию гражданского общества или государства...” Среди задач этого учреждения, деятельность которого требует “непроницательной тьмы”, он называет надзор за работой государственного аппарата, преследование антиправительственных учений и обществ, а также пресечение происков иностранных разведок. Выполнять свои функции “управа высшего благочиния” может “посредством тайных розысков”². По иронии судьбы планы казненного государственного преступника нашли свое воплощение в деятельности III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое было создано 3 июля 1826 года.

Выход на политическую арену тайного революционного общества, заявившего о себе 14 декабря 1825 года, требовал от правительства адекватного ответа. В высших бюрократических сферах развернулась интенсивная работа по подготовке реорганизации политического сыска. Бесчисленные записки, планы и предположения, наиболее известными из которых являются проекты генерал-адъютанта Александра Христофоровича Бенкендорфа и бессменного директора Особенной канцелярии при Министерстве полиции, а позже при Министерстве внутренних дел

² Цит. по: Троицкий И. III отделение при Николае I. Жизнь Шервуда-Верного. Л. 1990. С. 155—156.

александровских времен Михаила Яковлевича фон Фока, сводятся к тому, что действиям высшей полиции следует быть тайными, а существованию — явным; ей надлежит лишь изобличать виновных, но не чинить над ними суд и расправу; эффективность же работы политического сыска должны обеспечивать сотрудники “испытанной нравственности, уверенные искренно в пользе своего назначения”³.

Помимо III отделения, мозгового центра политического сыска, деятельность которого была строго засекречена, высшая полиция обрела и другую свою ипостась — Корпус жандармов, созданный 23 апреля 1827 года, в 1836 году преобразованный в Отдельный корпус жандармов, — воинское соединение с правами армии, деятельность которого регламентировалась “Положением о Корпусе Жандармов”. Централизация тайной полиции и ее “явного” исполнительного органа обеспечивалась тем, что главноуправляющий III отделением был одновременно и шефом Корпуса жандармов. Всеохватность ее действий — разделением огромной империи (за исключением Финляндии, Области Войска Донского и Закавказья) на 5 (а с 1843 года — на 8) жандармских округов (по 7—8 губерний), включавших по несколько (4—6) отделений, каждое из которых охватывало 1—3 губернии и возглавлялось жандармским штаб-офицером.

“Положение о Корпусе Жандармов”, вступившее в силу 1 июля 1836 года, подробно формулировало основные организационные и структурные принципы существования этого ведомства, а также определяло должностные обязанности жандармских чинов. “Нижние чины” жандармских подразделений “приводили в исполнение законы и приговоры суда”, преследовали преступников и “рассеивали законом запрещенные скопища”, “усмиряли буйства” и следили за порядком во время торжищ и народных гуляний, а также сопровождали “необыкновенных” арестантов. Однако губернские штаб-офицеры руководствовались в своей деятельности “особыми инструкциями шефа жандармов”, не ограничиваясь по существу

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 512. Л. 1—10.

никакими законодательными нормами, так как ни их конкретные права, ни взаимоотношения с местным начальством не были точно оговорены вплоть до введения “Правил о порядке действий чинов Корпуса жандармов” 1871 года.

Вопросами назначения, перемещения и увольнения жандармских чинов ведал шеф Корпуса. На эту должность, также как и на пост главноуправляющего III отделением был назначен Александр Христофорович Бенкендорф, пользовавшийся личным расположением императора и беззаветно ему преданный. Будучи человеком светским, всю текущую работу он доверял управляющему канцелярией своего ведомства, которым стал профессионал высочайшего класса Михаил Яковлевич фон Фок.

Многообразные обязанности и широчайшие полномочия III отделения не были обусловлены никакими юридическими нормами, кроме служебных инструкций. Управление страной через собственную канцелярию, “находящуюся вне состава других государственных учреждений и не подлежащую ничьему рассмотрению, ни отчетности”, помимо самого монарха, являлось одной из наиболее характерных черт политико-правовой системы николаевской эпохи.

Широко известна легенда о том, что, когда были сформированы Корпус жандармов и III отделение Александр Христофорович Бенкендорф явился с докладом к императору и спросил, какими инструкциями должен он руководствоваться в своих действиях. “В то самое время, — как гласит предание, — камердинер Его Величества подносил белый носовой платок, Государь, взяв платок, передал его Бенкендорфу, высочайше выразив: «Вот твоя инструкция, чем более утрешь им слез несчастных, тем лучше исполнишь свое назначение»”⁴.

На чем основан этот эффектный рассказ? Никаких сведений о наличии “мемориального” платка в делопроизводственных документах архива III

⁴ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 8. Д. 14. Л. 2.

отделения — таких как, материалы о создании архива в 1846 году, бумаги неоднократных ревизий, акты передачи архива в 1880 году в Департамент полиции — нет, хотя, казалось бы, его должны были хранить как зеницу ока. Но так ли важно, существовал этот артефакт, или нет? В 1876 году авторы юбилейного очерка истории Корпуса писали: ”Если это предание справедливо, то белый платок составляет как бы знамя Корпуса жандармов. В этом кроется то сочувствие, с которым относятся все служащие в Корпусе жандармов к этой легенде, и хотя документального ее существования в делах не оказалось, тем не менее, содержание первой инструкции, данной в руководство Корпусу жандармов, вполне ее подтверждает”⁵.

Эта инструкция Бенкендорфа чинам новоиспеченного ведомства в нашем распоряжении имеется. Из первых же слов ясно, что между императором и Бенкендорфом, действительно, состоялся некий разговор о целях создаваемого учреждения. Обращаясь к своим подчиненным, Александр Христофорович стремился, как он пишет, ”выполнить в точности Высочайше возложенную на меня обязанность и тем самым споспешествовать благотворительной цели Государя Императора и отеческому Его желанию утвердить благосостояние и спокойствие всех в России сословий...”⁶

Вполне вероятно, что при разговоре о назначении ”высшей полиции”, император, всегда любивший поразить собеседника каким-то неожиданным поступком или словом, произвести эффект, мог совершить тот ”жест”, о котором рассказывает легенда.

Возвращаясь к тексту инструкции Бенкендорфа, надо сказать, что ни один из пяти ее параграфов, не содержит четко поставленных задач. Зато ясно прослеживается общая масштабная цель — ”предупреждение и отстранение всякого зла”, защита каждого ”безгласного гражданина” от ”личной власти или преобладания сильных лиц”, ”отыскивание и отличие

⁵ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 8. Д. 14. Л. 2.

⁶ Инструкция графа Бенкендорфа // Русский архив. 1889. № 2. С. 396.

скромных вернослужащих”. Ну чем не платок для слез ”сырых и убогих”? Акцент сделан на ”благородных чувствах и правилах”, которые должны отличать чинов высшей полиции и помочь им снискать всеобщее уважение. Подданные Российской империи могли не сомневаться, что глас ”страждущего человечества” дойдет до царского престола.

По мысли императора Николая “высшая полиция” действительно должна была стать органом ”быстрого реагирования” на жалобы, притеснения, взяточничество, произвол администрации и т.п. Николай Павлович по-своему радел о благе России. “Я смотрю на человеческую жизнь, — говорил он, — как на службу...” И власть самодержца Николай I воспринимал не как право, а как обязанность. Стремясь к осуществлению своего идеала процветающей державы, он пытался упорядочить всю ее жизнедеятельность — придать “стройность и целесообразность” системе управления, добиться максимальной исполнительности на всех уровнях бюрократической иерархии, обеспечить всеохватный контроль над ходом дел в Российской империи. Помочь монарху вникнуть во все мелочи жизни подданных была призвана Собственная Его Императорского Величества канцелярия и в особенности ее III отделение. Причем для значительной части населения Российской империи в условиях произвола бюрократии всех рангов, когда рядовому гражданину прибегнуть к помощи закона оказывалось практически невозможно, III отделение действительно выглядело тем органом высочайшей опеки подданных, каким задумывали его Николай I и Бенкендорф.

Просьбы и жалобы по самым разным вопросам, сохранившиеся в архиве III отделения, свидетельствуют, что многие искали защиты от несправедливости именно там. Более 5000 подобного рода запросов поступало в III отделение ежегодно. В основном, это ходатайства о пенсиях, пособиях, о помещении детей в казенные учебные заведения, об определении на службу, о разрешении семейных споров, жалобы на неповиновение детей

родителям или на злоупотребление родительской властью, ”на оставление просьб без разрешения со стороны начальствующих лиц”⁷ и т.п.

В лице чиновника высшей полиции видели посредника между императором и просителем. Справедливо считалось, что проблема, о которой сообщается через III отделение, получит решение скорее и вернее, чем через любую другую инстанцию. ”Смотря по свойству дел, они или представляемы были на высочайшее благовоззрение с испрошением надлежащего разрешения, или оканчивались примирительным соглашением истца и ответчика, или же передавались на зависящее распоряжение подлежащих властей. ...Просьбы и жалобы, оказавшиеся несостоятельными, оставляемы были без движения. Число просьб и жалоб, оставленных без движения, составляло обыкновенно от десяти до пятнадцати процентов общего их количества”⁸. Заметим, что в пореформенный период (с начала 60-х годов) поток таких запросов постепенно сходит на нет — теперь они подлежат рассмотрению в новых судебных инстанциях.

В николаевскую же эпоху жандармские офицеры, тщательно отобранные по принципу “благонадежности” и умения “общаться с населением”, наблюдали за “благочинием” на местах, в самом широком понимании этого слова, входя во все подробности бытия жителей империи. В ”Дополнении” к нравственно-политическому отчету III отделения за 1841 год, созданному по личному указанию Николая Павловича, Бенкендорф, сетуя на неблагодарность публики, писал: ”В обществе не обращают внимание на то, что в губерниях нет ни одного штаб-офицера, к которому не обращались бы обиженные и не искали бы его защиты; не говорят, что нет дня в Петербурге, чтобы начальник округа, начальник штаба, дежурный штаб-офицер не устраняли вражды семейные, не доставляли правосудия

⁷ Третье отделение СЕИВк о себе самом // Вестник Европы. 1917. № 3. С. 100.

⁸ Там же. С. 100—101.

обиженному, не искореняли беззакония и беспорядков – о хорошем молчат, а малейшее дурное, стараются выказать как зло важное!”⁹

Мы не знаем, и скорее всего, вряд ли когда-нибудь узнаем, произошла ли в действительности сцена с белым платком или ей суждено оставаться историческим анекдотом. Но можно смело утверждать, что легенда о платке, который император вручил Бенкендорфу, чтобы утирать слезы несчастных, в качестве инструкции для высшей полиции, возникла не на пустом месте.

⁹ ГА РФ. Ф.109. Оп. 223. Д. 6. Л.172 об. —173.

«Должно повиноваться, а рассуждения свои держать при себе»

Политическая полиция николаевской эпохи знаменита борьбой с инакомыслием, деятельностью в области политического контроля. III отделению изначально отводилась роль “центрального штаба по наблюдению за мнением общим и духом народным”¹⁰. Самодержец всегда стремился быть в курсе состояния империи — важнейшей частью ежегодных отчетов III отделения являлись “нравственно-политические обозрения”, фиксировавшие не столько конкретные факты, сколько “общее расположение умов”. К примеру, в отчете за 1839 год имеется рубрика под названием “Свод мнений насчет внутреннего состояния России и действительное ее состояние”. Сейчас подобный документ назвали бы аналитическим обзором.

Признанным мастером этого жанра являлся Максим Яковлевич фон Фок, возглавлявший канцелярию III отделения. Обобщая и анализируя слухи, толки и суждения, о которых доносили его многочисленные агенты, фон Фок выявлял направление общественного мнения, составляющего, по его словам, “для власти то же, что топографическая карта для начальствующего армией во время войны”¹¹. В записках фон Фока настойчиво проводится мысль о том, что искусство управления людьми должно опираться на ясную осведомленность о нуждах и чаяниях управляемых.

Кроме того, следовало поставить под бдительный контроль структуры, формирующие общественное сознание. Политика правительства в области просвещения и печати должна была уберечь жителей Российской империи от веяний “мятежного духа Европы”. Цензурный устав 1826 года, как доносили агенты III отделения, приводил “литераторов в отчаяние”; реформа низших и средних учебных заведений 1828 года, оторвавшая друг от друга разные ступени обучения, фактически снова сделала образование сословным; устав высших учебных заведений 1835 года резко сократил университетские

¹⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 510. Л. 9.

¹¹ Отчеты III отделения за 1827—1828 гг. \ Красный Архив. 1929. Т. 6 (37). С.141.

вольности. По словам Ивана Аксакова, в николаевское царствование “пытались взять в казну совесть, душу, мысль, веру и отпускать их на пользование... патентованными пайками...”¹²

Неизменно находилось в сфере внимания высшей полиции “направление умов” молодежи. И особенно много хлопот III отделению доставляли иностранные гувернеры и домашние учителя, во множестве прибывающие в Россию. III отделение собирало статистические данные об их количестве и строго следило, чтобы “оказавшиеся недостойными” не допускались до воспитания молодого поколения. В определенные годы учителям из некоторых государств вообще был воспрещен въезд в Россию. Например, в 1843 году под запрет попали студенты Кенигсбергского университета, а в 1846 году — выходцы из Швейцарии “по случаю непрерывных и ныне в сильной степени возникших смут в этом государстве”¹³.

В 1854 году, в разгар Крымской войны шеф жандармов Алексей Федорович Орлов получил анонимное послание, плещущее патриотическими эмоциями. Некая “старуха” взывала обуздать “гувернеров-англичан”: “Это ужас, что они внушают детям нашего дворянства. Это язва! И есть же отцы, есть маменьки, доверяющие им своих детей... Хороши русские! И Бог терпит еще! Ужасно! А посмотрите, что везут с собою эти гувернеры, отправляющиеся домой на днях из Петербурга!!! Какие тайные бумаги... Это шпионы! Раскройте их чемоданы и карманы, — и Вы убедитесь, что за люди воспитателями русских детей были. Боже! Когда это зло пройдет в России? Неужели Вы не можете передать этого Царю?”. Правда, вместо того, чтобы беспокоить императора, Орлов наложил на документ очень характерную резолюцию: “Узнать, кто из англичан уезжает”¹⁴.

¹² Цит. По: Михайловский Н.К. Литературные воспоминания и современная смута. Спб. 1900. Т. 1. С. 403.

¹³ ГА РФ. Ф. 109. 3 экспедиция. 1846 г. Д. 79. Л. 6.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1854 г. Д. 400. Ч. 1. Л. 12 (об.).

Однако до середины XIX века Россия в деле просвещения не могла обходиться без иностранных кадров. Министр финансов Егор Францевич Канкрин замечал, что ограничить въезд в пределы империи воспитателей и учителей ”значило бы затруднить воспитание детей, устранить нас от совершенного движения полезных наук, воспрепятствовать познанию языков”¹⁵.

Правительство всеми силами стремилось дать “перевес отечественному воспитанию над иноземным”, был принят курс на уменьшение роли домашнего образования и частных учебных заведений. В 1833 году появилось постановление ”О мерах против умножения пансионов”; преподавать в частных училищах могли отныне только российские подданные.

Вытеснить частные учебные заведения были призваны казенные гимназии и другие учреждения, находящиеся в ведении Министерства народного просвещения, которому надлежало “все разбросанные части общественного воспитания привести к одному общему знаменателю, составя из оных полную систему публичных учебных заведений”. Их следовало поставить на такую ступень совершенства, “чтобы, заслуживши общее доверие родителей, побудить сих последних ... к решимости отдавать сыновей в публичные заведения; и тем мало-помалу уничтожить частное воспитание и удалить иноземных воспитателей”¹⁶.

Глава Министерства народного просвещения (с 1833 года) Сергей Семенович Уваров был практиком, остро ощущал движение времени и в своей министерской деятельности пытался учитывать требования меняющейся действительности, не отмахиваясь от них независимо от того, благом или злом они ему представлялись. “Мы, — говорил он — то есть люди девятнадцатого века, ... живем среди бурь и волнений политических. Народы изменяют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперед. Никто

¹⁵ ГА РФ. Ф. 109. 3 экспедиция. 1841 г. Д. 149. Л. 5.

¹⁶ Цит. по: Шевченко М.М. Сергей Семенович Уваров // Российские консерваторы. М. 1997. С. 125.

здесь не может приписывать своих законов. Но Россия еще юна, девственна и не должна вкусить, по крайней мере теперь еще, сих кровавых тревог. Надобно продлить ее юность и тем временем воспитать ее”¹⁷.

“Ложной системе воспитания”, пагубным следствием которой стало 14 декабря 1825 года, необходимо было противопоставить иную, основанную не на западных теориях, а на своей доморощенной идейной базе. Такой базой явилась знаменитая триада Уварова — credo российской государственности николаевской эпохи. Мертвая схема “самодержавия, православия и народности” исключала развитие — богоспасаемое Отечество должно было застыть в своем совершенстве. Раскрывая глубинный смысл этих идеологических построений, министр народного просвещения говорил: “Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно”.

Однако задача, которую он пытался решить, была заведомо невыполнима. Как обеспечить государство верноподданными, благонамеренными и в то же время европейски образованными чиновниками, если западное просвещение несет в себе столь разрушительные начала, что с конца XVIII века Европу сотрясают политические бури, докатившиеся даже до России?

Беспорядки коснулись и “любимого детища Уварова, его создания, Киевского университета, которым он сам занимался как образцом”. Поначалу указ об учреждении в Киеве университета Святого Владимира “был принят с особенным удовольствием всеми желающими распространения в Отечестве нашем правильного просвещения”¹⁸. Но Уваров допустил серьезный промах, определив в это учебное заведение преподавателей из Виленского университета и Кременецкого лицея. III отделение ни в коей мере не склонно было его оправдывать: “Министр в донесении своем говорит, что назначение сих людей сделано в том намерении, дабы привлечь юношество Польских

¹⁷ Цит. по: Шевченко М.М. Сергей Семенович Уваров // Российские консерваторы. М. 1997. С. 105.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 1. Л. 213.

губерний к поступлению во вновь учрежденный университет; но мы смеем думать, что никакие причины не могли быть сильны к побуждению правительства назначать в наставники юношества учеников и сподвижников Лелевеля, и каких же плодов можно было от того ожидать?”¹⁹ В 1849 году, когда ужас перед “тлетворным и гибельным” духом Запада достиг своего апогея, Уваров был уволен от должности министра народного просвещения.

Николаевская Россия “молчала и благоденствовала”, но бездействие и безмолвие вызывали напряженную работу мысли. Наследие просветителей, рационалистические построения которых были отвергнуты живой жизнью, не удовлетворяло новое поколение дворянской интеллигенции. Ключ к познанию окружающего мира, который был гораздо сложнее, чем казалось их предшественникам, молодые люди, объединенные в дружеские кружки (Николая Станкевича, Александра Герцена и Николая Огарева и др.), искали в изучении немецкой классической философии. Размышления, вращавшиеся в столь отвлеченных на первый взгляд сферах, несли мощнейший разрушительный заряд. Шеллинг, Гегель и их российские последователи вносили в общественное сознание идею вечного непрерывного движения, развития всего сущего, что в корне подрывало представление о незыблемости status quo.

К тому же, “чужие мысли, — как писал Иван Киреевский, — полезны только для развития собственных”²⁰, а собственные мысли членов литературных и философских кружков 1830—40-х годов постоянно обращались к России, ее прошлому и настоящему. Проблема исторического пути родной страны виделась им по-разному, но и западники и славянофилы считали, что будущее за Россией преобразенной — не оскверняемой крепостным гнетом и деспотизмом. Проникая в университетские лекции и научную полемику, в светские салоны и на страницы журналов, их идеи находили все более и более широкий отклик в русском обществе, помогая

¹⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 3. Л. 102.

²⁰ Цит. по: Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М. 1989. С. 19.

ему вернуть те “слабо усвоенные понятия о чести и достоинстве”, которые оно растеряло после 14 декабря. Побуждая самостоятельно мыслить, “люди движения” разлагали косную массу на отдельные личности, которым все труднее становилось мириться с тем уделом, что отводил своим подданным российский император — “должно повиноваться, а рассуждения свои держать при себе”²¹.

Путь к социальным переменам и западники, и славянофилы видели в сотрудничестве образованного общества и власти. Те же, у кого перспективы подобного взаимодействия вызывали сомнение, составили радикально-демократическое крыло русского общественного движения, и от них можно было ожидать осязаемого “потрясения основ”.

Таким образом, наблюдение за неблагонадежными мыслями оказывалось неотделимым от пресечения преступных действий. На пути осуществления этих задач “высший надзор” сталкивался с проблемой внутреннего освещения кружков дворянской молодежи, где гнезился “дух своеволия”. Эта и многие другие проблемы деятельности политического сыска сфокусированы в деле о “злоумышленном обществе” Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевского (1848—1849 гг.).

Как опасный “говорун, которого необходимо унять”²², чиновник Министерства иностранных дел, кандидат права Петрашевский попал в поле зрения властей еще в 1844 году — доносы на него были поданы шефу жандармов Орлову и Санкт-Петербургскому военному губернатору Кавелину. Установленный за подозрительной личностью негласный надзор не дал никаких результатов. С зимы 1845 года обращают на себя внимание странные сборища, происходящие на квартире Петрашевского по пятницам. Весной того же года появляется первый выпуск (от “А” до “М”) “Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка”. Через год, когда издание было продолжено (от “М” до “О” — апрель 1846 года), власти

²¹ Цит. по: Левандовский А.А. Время Грановского. М. 1990. С. 253.

²² Цит. по: Возный А.Ф. Петрашевский и царская тайная полиция. Киев. 1985. С. 43.

спохватились — “краткая энциклопедия понятий, внесенных к нам европейскою образованностью”, при всей безобидности формы оказалась весьма опасной по содержанию.

Чашу терпения властей переполнило распространение в дворянском собрании Петербургской губернии литографированной записки Петрашевского “О способах увеличения ценности дворянских или населенных имений” (февраль 1848 года). Негодование вызывали не столько суждения автора, сколько дерзость ничтожного титулярного советника, предлагающего их публике без высочайшего на то соизволения. О возмутительном факте императору было доложено Министром внутренних дел Львом Алексеевичем Перовским, ему же и досталась честь разоблачения злоумышленника.

Разработкой дела занялся чиновник Министерства внутренних дел по особым поручениям, действительный статский советник Иван Петрович Липранди — человек, немало повидавший на своем веку и хорошо знакомый с приемами агентурной работы. Прежде всего, предстояло выяснить характер “пятниц” Петрашевского. Из расспросов дворников и прислуги; сообщений двух полицейских “извозчиков”, доставлявших гостей по домам и пытавшихся уловить обрывки их разговоров; слухов о господах, которые “законы пишут”, циркулирующих по городу, — картина складывалась не слишком отчетливая. Нужен был агент с “незапятнанной репутацией” и определенным уровнем образования, способный проникнуть на эти собрания и определить степень опасности крамольных умствований, которые там услышит.

Липранди потратил 4 месяца и уйму денег, чтобы отыскать достойного кандидата на эту роль. На счет секретных сумм Министерства внутренних дел он “зажил открытым домом”, что привлекло в его сети бедных и честолюбивых юношей из среды мелкого чиновничества, старавшихся не упустить случая пообедать и завести полезные связи. Деликатная миссия секретного сотрудника была доверена Петру Дмитриевичу Антонелли, сыну

академика живописи, студенту 1 курса филологического факультета Петербургского университета. Его оформили канцелярским чиновником в Министерство иностранных дел, где он без труда свел знакомство с чрезвычайно общительным Петрашевским.

Бойкому молодому человеку, стремящемуся к самообразованию, довелось “приобщиться” мировоззрению Петрашевского и получить общее представление о философской и социально-политической направленности бесед его гостей. Однако, “слова к делу не подошьешь”. Добыть же документальные улики, как и попасть в число приглашенных на “пятницы”, неوفиту никак не удавалось. Петрашевский не поддавался на попытки подтолкнуть его к преступным действиям и взять с поличным. Он сам рассказывал своему юному другу анекдотическую историю о некоем спирите, предложившем провести сеанс с тем условием, чтобы все присутствующие были при оружии. Петрашевский избавился от него, предупредив, “что если “духи” попытаются сделать какую-либо неприятность, то первая пуля будет предназначена тому, кто их вызвал”²³.

Провокация Липранди тоже была свернута — Антонелли представил Петрашевскому “свирепых черкесов” (из дворцовой стражи) для подтверждения своих обширных связей среди горцев, готовых подняться по первому знаку; Петрашевский предложил развернуть среди них пропаганду в духе самоуправления, а это вновь сводилось к разговорам. В помощь Антонелли, для освещения связей “зловредного общества” с “простонародьем” Липранди ввел в дом Петрашевского еще двух секретных сотрудников — купца Шапошникова и мещанина Наумова. Но улики антиправительственной деятельности так и не были получены. В результате, доказательством преступлений членов кружка Петрашевского на судебном процессе послужили свидетельские показания агентов (таким образом, они, естественно, были раскрыты)!

²³ Возный А.Ф. Петрашевский и царская тайная полиция. Киев. 1985. С. 71.

В марте 1849 года Липранди идет ва-банк, позволяя Антонелли явиться на вечер к Петрашевскому без приглашения. Ограниченный круг избранных принял чужака настороженно. Но обаятельный молодой человек сумел расположить к себе самых подозрительных и стал посещать “пятницы” наравне с завсегдатаями. Его цепкая память зафиксировала откровенную фразу о целях петрашевцев — “приготавливать способных людей на случай какой-нибудь революции, приготавливать массы к восприятию всяких перемен”²⁴. Не будем забывать, что 1848—1849 годы — время новых революционных потрясений в Европе (Франция, Германские государства, Венгрия, Италия, Дунайские княжества). И после очередного доклада о ходе расследования императору дело для “арестования злоумышленников” передали из Министерства внутренних дел по прямому назначению — в III отделение.

Конкуренция двух этих ведомств ведет начало с первых лет становления системы политического сыска, еще в 1826 году фон Фок жаловался своему патрону на неумелую слежку общей полиции за ним самим. И, принимая материалы расследования о кружке Петрашевского, III отделение постаралось придать делу несколько иной оборот. Разветвленного заговора, посягающего на ниспровержение государственного строя, в деятельности кружка не усмотрели. Следственная комиссия признала, что “собрания, отличавшиеся вообще духом противным правительству, не обнаруживающие, однако ж, ни единства действий, ни взаимного согласия, к разряду тайных организованных обществ не принадлежали”²⁵. Правда, несмотря на это, 21 “злоумышленник” был приговорен к расстрелу; но жестокость закона давала простор монаршему милосердию и петрашевцы пошли на каторгу.

Еще долго отзвуки ”заговора” Петрашевского тревожили русское общество, привлекая внимание все к той же сфере просвещения. Уже

²⁴ Возный А.Ф. Петрашевский и царская тайная полиция. Киев. 1985. С. 78.

²⁵ Возный А.Ф. Петрашевский и царская тайная полиция. Киев. 1985. С. 101.

знакомая нам "старуха", которая в письме к Орлову позиционирует себя как "голос России", пишет, что ее собственного сына "чуть не сбили с толку в кругу злонамеренных людей, вырождков Петрашевского". Она считает своим долгом обратить внимание властей "на ход и направление современной нашей литературы". "Горько сказать. — Сетует она. — Два лучшие наши журнала Современник и Отечественные записки, как будто назло русскому человеку, точно какие-нибудь французы или англичане, толкуют только о литературе и всяком вздоре французском и особенно английском. ...Трактуют преподробно о Вальтер Скоттах, Шериданах каких-то, потчуют Жорж Зандами, Бульвером, Такерееем, Дикенсом и всяким хламом о театрах английских, комедиях и пр."²⁶ Не будем забывать, что этот литературный донос создан во время Крымской войны.

Какую бы реальную опасность для существующего строя не представляли планы петрашевцев, перспективы деятельности подобного рода удивительно точно определил фон Фок. "Умысел против любимого законного государя, явное возмущение, употребление средств безнравственных и злодейских возбуждает ужас, негодование и омерзение и в правительстве, и в народе. Но тайное общество людей, полагающих или хотящих быть добродетельными, действующее тихо, медленно, но верно, под благовидными предложениями вооружающее против явных злоупотреблений, жертвующее общему благу собственным достоинством и прочим, — есть опасный внутренний нарост, который со временем, нечувствительно, без видимых потрясений, может задавить государственную жизнь, сделавшись орудием злодейства, ниспровергнуть правительство, мало-помалу лишенное им уважения, доверенности и силы"²⁷. Фон Фок говорил это о декабристах, но наделенный истинной государственной мудростью, он прозревал на десятилетия вперед.

²⁶ ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1854 г. Д. 400. Ч. 1. Л. 11—11 (об.).

²⁷ Цит. по: Эйдельман Н.Я. Вьеварум. Лунин. М. 1995. С. 301.

“Тихая работа” оппозиционной интеллигенции 1830—40-х оказалась не менее плодотворной, чем деятельность каких бы то ни было тайных обществ. Если разгром декабристов явился в свое время катастрофой, обескровившей целое поколение, то теперь “образованное меньшинство” устояло, сохранило свои идеалы и жизненные силы даже в эпоху “мрачного семилетия” (1848—1855 гг.), когда страх снова вошел в души и заставил замереть и затаиться все, что стремилось к переменам. В эти годы были заложены основы существования революционной интеллигенции — постоянного и наиболее опасного противника самодержавного строя. На смену идеалистам сороковых годов шел реалист-шестидесятник.

Не «брезгующие ролью тайных шпионов»

Итак, власть получила эффективный инструмент надзора за обществом и своим собственным аппаратом. Круг обязанностей III отделения был, как известно, очень широк — от “распоряжений” по делам “высшей полиции” до сбора сведений “о всех без исключения происшествиях”. Четыре экспедиции, на которые первоначально подразделялось это учреждение, ведали следующими “предметами”: 1-ая — наблюдение “за мнением общим и духом народным”, за поднадзорными лицами, а также за действиями государственных чиновников разного ранга; 2-ая — контроль за религиозными сектами и местами заключения “государственных преступников”, за различными обществами (научными, культурными, просветительными и т.д.) и изобретениями, разбор многочисленных жалоб и прошений на “высочайшее имя”, дела о фальшивых ассигнациях и документах, а также ведение личным составом отделения; 3-я — контрразведка, “все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в пределы государства прибывающих и из оною выезжающих”; 4-ая — сбор и систематизация сведений о происшествиях в империи (пожары, эпидемии, грабежи, убийства и пр.). В 1842 году возникла еще одна экспедиция, взявшая под свою опеку цензуру. На практике рамки деятельности экспедиций оказывались довольно подвижными, что и обеспечивало всеобъемлющий надзор за жизнью империи.

Штат III отделения, немногочисленный (20 человек на момент создания и 58 при упразднении²⁸), но исполненный служебного рвения, обладал достаточным опытом для своей работы, так как фон Фок взял с собой большинство прежних коллег по Особенной канцелярии Министерства полиции и Министерства внутренних дел. При зачислении в III отделение новых людей учитывался опыт их работы в “присутственных местах” (не

²⁸ Сидорова М.В. Штаты III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии \ Из глубины времен (альманах). Спб. 1995. Вып.4. С. 9.

менее 3 лет стажа). “Текучки кадров” в этом учреждении практически не наблюдалось, процент служащих, переходивших в другие ведомства, был очень невелик; большинство чиновников III отделения проработали там почти всю жизнь.

Что же касается Корпуса жандармов, то Желающих поступить туда среди армейских офицеров было больше, чем вакансий. Привлекало солидное жалованье, независимость от провинциальной администрации в местах несения службы, свобода от армейской рутины. Попасть в Корпус можно было, только имея сильную протекцию и наилучшие рекомендации. При зачислении учитывался возрастной (не моложе 25 лет) и национальный ценз — офицеры польского происхождения подвергались дополнительной проверке (эта мера была введена после Польского восстания 1830—1831 гг.) и согласно секретному предписанию императора не назначались в “особенно важные места” без высочайшего соизволения. Кроме того, русским офицерам, находившимся в Царстве Польском, следовало наблюдать за действиями жандармов из “местных уроженцев”. Наличие служебных или судебных взысканий при переводе в Корпус жандармов было недопустимо. От офицеров требовалась подписка о непринадлежности к тайным обществам. Начиная с марта 1830 года, все младшие офицеры, стремившиеся надеть жандармский мундир, подвергались в штабе Корпуса специальным “испытаниям”, которые состояли в личном представлении шефу жандармов, проверке их “умения и способностей” к несению службы, кавалерийских навыков, нравственных качеств и степени образованности. Предполагалось “замещать на эти места людей честных и способных, которые часто брезгают ролью тайных шпионов, но, нося мундир, как чиновники правительства, считают долгом ревностно исполнять эту обязанность”²⁹.

Однако, без “тайных шпионов” в деле политического сыска тоже нельзя обойтись. Их донесения должны были существенно дополнять и

²⁹ Проект А.Х. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // Русская старина. 1900. Т. 31 (№ 12). С. 615.

корректировать информацию, поставляемую военными в лазерной форме, которым далеко не всегда удавалось добиться освещения тех или иных фактов изнутри, что особенно важно для “предупреждения преступлений” — а именно так формулировалась главная задача политической полиции.

Наши сведения об агентуре III отделения чрезвычайно скудны. Время не пощадило многих документов, да и вообще это учреждение умело хранить свои секреты. В “Проекте об устройстве высшей полиции” Бенкендорф настаивал на том, что “даже правитель канцелярии” главы тайного сыска “не должен знать всех служащих у него и агентов”³⁰. В действительности, правда, все было наоборот — секретными сотрудниками ведал директор канцелярии III отделения, неутомимый фон Фок. Из его писем к Бенкендорфу мы узнаем о некоторых агентах, приобрести которых тайная полиция старалась в самых разных социальных слоях. Среди них статский советник Нефедьев — “ходячая энциклопедия” с обширными связями, граф Лев Соллогуб, сам предложивший свои услуги, две дамы, которые “служат полиции под покровительством князя А. Голицына”³¹. В одной семейной хронике сохранился рассказ о том, как Бенкендорф пытался склонить к сотрудничеству с III отделением жену генерал-лейтенанта Есакова, направленного комендантом в Вильно. Глава тайной полиции убеждал эту даму в том, что, пользуясь своим положением в обществе, она “может, как русская, оказать большую услугу отечеству, сообщая ему, графу Бенкендорфу, все, что ей покажется там в салонных кружках достойным его внимания”³².

Далеко не все секретные сотрудники III отделения, служили за деньги. Фон Фок предпочитал использовать людей, которые видели в контактах с

³⁰ Проект А.Х. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // Русская старина. 1900. Т. 31 (№ 12). С. 616.

³¹ Письма М.Я. фон Фока к А.Х. Бенкендорфу // Русская старина. 1881. Т. 32 (№ 9—11). С. 168—169, 312.

³² Из семейной хроники (Анатолий Е-ов) // Русская старина. 1881. Т. 31. С. 496—497.

тайной полицией возможность получить поддержку в делах, протекцию по службе и т.п. Они были надежнее, чем те, кто делал свои сообщения источником пропитания или наживы, с ними легче было поддерживать взаимовыгодное сотрудничество, постоянно держа в зависимости от всесильного покровителя, который может в любой момент сменить милость на гнев.

Самым знаменитым из таких агентов, наверное, является Фаддей Венедиктович Булгарин. Это имя знакомо каждому со школьной скамьи. При упоминании Булгарина сама собой встает перед глазами жалкая фигура бездарного литератора, строчащего доносы на Пушкина, редакцию “Отечественных Записок” и т.д. и т.п.

Тесные взаимоотношения с фон Фоком укрепляли общественное положение отпрыска польского шляхтича в высокомерной северной столице, помогали избежать цензурных неприятностей и избавиться от конкурентов на литературно-издательском поприще. Среди агентурного творчества Булгарина — “проблемные обзоры” (о состоянии Северо-Западного края, общественных настроениях и литературных толках), характеристики на разных лиц и собственно доносы (“объявления о каких-либо незаконных поступках другого”, по определению Даля).

Причем, помимо записок, преследующих чисто прагматические цели, встречаются и “бескорыстные”, не содержащие или умело маскирующие личные мотивы. Булгарин, как “человек с просвещенческой идеологией”, — отмечает публикатор его писем в III отделение А.И. Рейтблат, — стремился к преобразованию России “в соответствии со своими политическими и этическими идеалами”, полагаясь на “цивилизующую роль монархии”, на благоусмотрение коей и повергал свои воззрения³³. А кто же лучше высокопоставленных чиновников Собственной Его Императорского Величества канцелярии донесет до Государя советы ничтожного литератора,

³³ Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М. 1998. С. 32.

претендующего на роль “философа” у подножия трона (сочтет ли Император нужным к ним прислушаться — другой вопрос).

В этом стремлении Фаддей Венедиктович был не одинок, многие желали бы стать партнерами власти в деле благоустройства России, служить Царю и Отечеству не за страх, а за совесть. В инструкции своим подчиненным Бенкендорф писал, что при должном отношении к возложенной на них миссии они “в скором времени приобретут себе многочисленных сотрудников и помощников; ибо всякий Гражданин, любящий свое отечество, любящий правду и желающий зреть повсюду царствующую тишину и спокойствие, потщится на каждом шагу вас охранять и вам содействовать полезными своими советами и тем быть сотрудником благих намерений своего Государя”³⁴. Любопытен отклик на этот документ, каким-то образом ставший известным широкой публике, который мы находим в одном из донесений все того же Булгарина. “Инструкция жандармов ходит по рукам. Ее называют уставом “Союза благоденствия”. Это поразило меня и обрадовало. Итак, учреждение жандармов и внутренней политической системы (surveillance) не почитается ужасом, страшилищем...”³⁵

Оказывать помощь III отделению, доводя до его сведения информацию о каких бы то ни было злоупотреблениях и злоумышлениях, вовсе не считалось зазорным. Государственным служащим это прямо вменялось в обязанность. Выходя из кадетского корпуса, например, молодые военные давали присягу, в которой значилось: “... ежели что вражеское и предосудительное против персоны Его Императорского Величества или Его Императорского Величества Всероссийского престола наследника, который назначен будет, или Его Величества войск, такожде Его Государства людей или интересу Государственного, что услышу или увижу, то обещаюсь об оном по лучшей моей совести и сколько мне известно будет извещать и

³⁴ Инструкция графа Бенкендорфа \ \ Русский Архив. 1889. № 7. С. 397.

³⁵ Видок Фиглярин ... С.140.

ничего не утаить”³⁶. К доносительству, как обыденному явлению во взаимоотношениях индивида и государства, относились тогда гораздо более терпимо, чем в позднейшие времена. Исследователи справедливо считают донос “конструктивным элементом традиционной для России системы бюрократического управления”³⁷, обеспечивающим обратную связь между населением и верховной властью.

Не обходило вниманием доносы и III отделение. Однако они представляли собой слишком ненадежный источник информации, а со временем отношение к добровольным доносителям меняется в худшую сторону. Широко известно, что Леонтий Васильевич Дубельт (занимавший с 1835 года пост начальника штаба Корпуса Жандармов, а с 1839, кроме того, и должность управляющего III отделением) доносчиков не жаловал и расплачивался с ними в суммах, кратных трем в память об Иудином грехе.

Не хотел видеть он в своем ведомстве и студента Киевского университета Святого Владимира Алексея Петрова, донесшего на Кирилло-Мефодьевское общество (1846—1847). В 1849 году Петров все же был зачислен в штат III отделения “по высочайшему соизволению” и Дубельту пришлось смириться, хотя он вовсе не ошибался в нравственных качествах этого молодого человека, наделавшего тайной полиции много хлопот. Петров оказался причастным к совершенно скандальной истории: император получил по городской почте конверт с вырезками из всеподданнейших докладов Алексея Федоровича Орлова (преемника Бенкендорфа на посту шефа жандармов) со своими собственными резолюциями, а также с анонимной запиской, гласившей, что за деньги в III отделении можно достать даже царский автограф. Расшивал дела и передавал документы тайной полиции частным лицам Петров³⁸.

Впрочем, от услуг доносчиков-любителей ни при Дубельте, ни позже, ни раньше политическая полиция не отказывалась.

³⁶ Видок Фиглярин ... С. 34—35.

³⁷ В. Козлов. Феномен доноса // “Свободная мысль”. 1998. № 4. С. 100.

³⁸ Сидорова М.В. Штаты III отделения ... С. 8.

По доносу псковского помещика Пущина в 1826 году было проведено секретное расследование о “поступках известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в возбуждении крестьян к вольности”. В Псковскую губернию, где находился тогда опальный “сочинитель”, был командирован коллежский советник Александр Карлович Бошняк, агент генерал-лейтенанта Ивана Осиповича Витта, проявившего себя в деле тайного надзора на юге России еще в предыдущее царствование. Путешествующий ученый-ботаник (Бошняк, действительно, серьезно занимался ботаникой) был наделен серьезными полномочиями — ему следовало арестовать Пушкина и “отправить, куда следует, буде бы он оказался действительно виновным”³⁹. Однако исследование обстоятельств дела путем ненавязчивых расспросов окрестных жителей убедило его в том, что главная вина поэта — “желание отличить себя странностями”⁴⁰. Сигнал тревоги поступил от соседей, которых этот “опаснейший чудак” смущал своим уединенным образом жизни, чересчур снисходительным отношением к крепостным, внешним видом, неприличествующим его положению и, конечно, таинственным прошлым. Пушкину крупно повезло — агент оказался добросовестнее доносчика.

По доносу — из “истинно-патриотического усердия” — камер-юнкера Кашинцева, был арестован Николай Огарев, уличенный в “пении пасквильных стихов”. Арест Огарева сопровождался обыском, за ним последовало привлечение к делу множества упомянутых в его переписке лиц, в том числе и Александра Герцена, который “в пении пасквильных стихов не участвовал; но замечается зараженным духом времени”⁴¹. И, несмотря на то, что никаких следов тайного общества обнаружено не было, а председатель следственной комиссии счел суждения Герцена и Огарева “мечтами пылкого воображения”, не имеющими “никаких вредных последствий в прямом

³⁹ Былое. 1918. № 2 (30). С. 72.

⁴⁰ Там же. С. 75.

⁴¹ Ильинский Л. А.И. Герцен и III отделение \ \ Голос Минувшего. 1918. № 7—9. С. 80.

значений”, их “умствования” были признаны “непозволительными”, потому что “укоренясь временем, могут образовать расположение ума, готового к противным порядку предприятиям”⁴². Оба были сосланы — один в Пермь, другой в Пензу, а их ближайшие друзья отданы под надзор полиции.

Вообще при Николае I, особенно в первые годы после его восшествия на престол, в России воцарилась такая тишина, что тайной полиции приходилось самой отыскивать себе применение по части уловления крамолы. Политические дела создавались, с нашей точки зрения, из ничего, но антиправительственная деятельность понималась тогда довольно широко, и III отделение без работы не оставалось. Пытались пресечь мысли, “подрывающие основы”, и планы, которые из этих мыслей могли бы следовать. Так старались обеспечить “предупреждение” преступлений. Но справедливо ли карать за “мечты легкомысленной молодости”, не воплощенные в сколько-нибудь определенные намерения, а тем более — в действия? Результат подобных мер мог оказаться прямо противоположным намерениям политической полиции.

Предметом постоянного беспокойства был для III отделения “призрак 14 декабря”, тревоживший императора до конца его дней. Отголоски этого грозного заговора обнаруживали в недолгой деятельности кружка братьев Критских, которая сводилась, в сущности, к рассуждениям о “любви к отечеству” и судьбе декабристов. Самым возмутительным было намерение “прилепить изображение казненных государственных преступников” к памятнику Минину и Пожарскому в день коронации Николая I.

“Следы” 14 декабря усматривали и в Сунгуровском деле, деле настолько темном, что и для участников процесса его подоплека оставалась тайной даже по прошествии многих лет. Яков Иванович Костенецкий, поплатившийся за участие в “Сунгуровском тайном обществе” лишением дворянства и ссылкой рядовым на Кавказ, вспоминал: “Что такое был, в сущности, Сунгуровский заговор? В самом ли деле существовало в России

⁴² Там же. С. 79— 80.

какое-либо тайное общество, к которому принадлежал и Сунгуров, желавший увеличить его другими членами, или это была только выдумка — быть может, с другою какою целью?”⁴³

События развивались так: летом 1831 года, в разгар польского восстания, на студента-медика Шенявского поступил донос в связи с его крамольными речами и приверженностью полонизму. Среди его знакомых числился Николай Петрович Сунгуров, что послужило поводом к аресту последнего. 17 июня к командующему II округом Корпуса жандармов графу Апраксину явился студент Иван Поллоник, сообщивший, что в Москве “составилось общество злоумышленных людей, намеревающихся ввести свою конституцию” путем царубийства и приставления к наследнику опекунов из верных людей. Тайному обществу во главе с Сунгуровым ставился в вину химерический план “возмущения черни” и захвата Москвы. Последовали новые аресты и допросы.

Речи привлеченных к дознанию путаны и противоречивы. Некоторые, в том числе и сам Сунгуров, говорили, что, узнав о существовании тайного общества, стремились присоединиться к нему “для открытия правительству”⁴⁴. Поллоник предупреждал, что давать показания такого рода в случае ареста заговорщики условились заранее. Любопытнее, однако, другое — сам Сунгуров, еще до того, как на него поступил донос, известил Московского обер-полицмейстера о том, что группа польских офицеров собирается бежать в Литву и присоединиться к восставшим соотечественникам. Как соотнести этот факт с его “революционной” деятельностью? Один из исследователей высказал предположение, будто Сунгуров, рассчитывавший опереться на польских офицеров, чтобы овладеть столицей, донес на них, когда узнал, что их планы идут вразрез с его

⁴³ Эйхенбаум Б. Тайное общество Сунгурова \\\ Заветы. 1913. № 3. С. 15.

⁴⁴ Там же. С. 22.

намерениями⁴⁵. Но это никак не могло помочь реализации его собственных проектов.

Не вызывает особых сомнений, что Сунгуров был личностью беспринципной, способной на мистификации, склонной к своеобразным “играм”, позволяющим властвовать над людьми и манипулировать ими. Кое-кто из привлекавшихся к делу прямо называл его агентом правительства. А то, что власти не приняли никакого участия в судьбе Сунгурова (он был сослан в Сибирь), Костенецкий объясняет невысокой оценкой его “работы”. Он “показал себя... дурным агентом, который затеял дело с такою мелюзгой и, не открыв ничего важного, так рано допустил сделать на себя донос”⁴⁶. В этой фразе звучит обвинение не просто в шпионстве, но в провокаторстве.

Нельзя исключать и такую возможность. В одном из писем Бенкендорфу фон Фок передает мнение одного “поверенного (агента)”: “Дело в том, чтобы ... допустить, под покровом надзора какие-нибудь сборища, в которых можно было бы устроить наблюдательные кружки”⁴⁷. Идея выражена не вполне отчетливо, но некая общность с сунгуровскими затеями улавливается. И все же, подобные методы еще не вошли в обычай III отделения. Если Сунгуров был провокатором, то самодеятельным, вроде Романа Медокса, замечательного в своем роде авантюриста XIX века. Его похождения сродни хлестаковским, с той лишь разницей, что гоголевский “ревизор” просто сориентировался в ситуации, а Медокс создал ее сам.

Роман Михайлович Медокс, “сын бывшего содержателя Московского театра”⁴⁸, не собирался мириться со “жребием жалкого юноши”. В тяжелую годину войны с Наполеоном, 17 лет от роду, он решил послужить Отечеству, составив ополчение из горских народов. “Имея ум и деньги, можно успеть во

⁴⁵ Там же. С. 18.

⁴⁶ Там же. С. 16.

⁴⁷ Письма М.Я. фон Фока ... С. 306.

⁴⁸ Цит. По: Штрайх С.Я. Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века. М. 1930. С. 24.

многим”⁴⁹, — писал позднее Медокс. В первом ему не откажешь, со вторым было сложнее, и предприятие свое Медокс задумал обеспечить на казенный счет. Изготовив документы на имя адъютанта министра полиции, поручика конной гвардии, флигель-адъютанта Соковнина, он отправился на Кавказ. Погорел самозванец, когда местные власти стали доносить по начальству о своем усердии в выполнении “предписаний о содействии” поручику Соковнину. За свою “миссию” Медокс поплатился 13-летним заключением в крепостях. После освобождения он вновь пустился в авантюры, и был сослан в Омск рядовым линейного батальона. Однако в 1829 году поднадзорный солдат оказался учителем дочери поднадзорного Иркутского городничего — А.Н. Муравьева, судившегося по делу декабристов. Здесь и начинается новое “предприятие” неугомонного Медокса, которое “должно было вывести его из Сибири и сделать ему карьеру”⁵⁰.

В крепости Медокс свел знакомство со многими “друзьями 14 декабря” и сумел извлечь из этого выгоду, измыслив новый заговор, для раскрытия которого правительству не удалось бы обойтись без его услуг. Он, вероятно, прекрасно сознавал, на каком поприще могут быть востребованы его таланты, и еще весной 1831 года пытался установить контакты с III отделением, однако на службу принят не был. Тогда Медокс подал донос о том, что в доме Муравьева поддерживают связь с “государственными преступниками”, содержащимися в Петровском заводе. Затем последовала “сенсационная находка” — шифрованные письма (принадлежавшие, естественно, перу самого Медокса). Итак, он с ужасом обнаружил существование тайного общества с широкими связями в обеих столицах! Своими открытиями Медокс незамедлительно поделился с органами сыска, присовокупив и улику — письмо декабриста Юшневского (тоже собственного сочинения).

⁴⁹ Там же. С. 15.

⁵⁰ Там же. С. 142.

Таким образом, Медокс ловко втянул в свою интригу политическую полицию, навязавшись в секретные агенты. III отделение было обязано “отреагировать на сигнал”. Медоксу организовали “командировку” в Петровский завод, которая “подтвердила” наличие заговора. А потом новоявленный член “Союза великого дела” отправился в Москву для налаживания конспиративных связей. “Купон” тайного общества (тоже работа Медокса) должен был открыть “эmissару” ссыльных декабристов любые двери. Однако агент политического сыска больше не спешил с уловлением крамолы, постоянно ускользая из-под контроля жандармского генерала, пытавшегося руководить его действиями. Медокс умудрился выгодно жениться и, напустив всем в глаза туману, исчез из Москвы. А, когда, промотав приданое, вернулся, семья жены передала его в руки “коллегам”, и они снова надолго поселили Медокса в крепости.

Обстоятельства сложились так, что затея Медокса принесла декабристам гораздо меньше вреда, чем органам сыска, выставив его сотрудников доверчивыми олухами, да еще и на казенный счет. Лишними проблемами обернулась для III отделения и деятельность в южных губерниях одного из “героев” разоблачения декабристов — драгунского поручика Ивана Васильевича Шервуда, высочайше пожалованного именованим “Верный” (“Скверный” — в устах оппонентов Николая I). Для выявления “остатков тайных обществ” секретный сотрудник III отделения предполагал создать новое тайное общество, чтобы разом привлечь все неблагонадежные элементы края.

Вокруг родственников “государственных преступников” и ничего не подозревавших обывателей начали сновать разные сомнительные типы в качестве его агентов. Шервуд своей нескромностью и неуместной активностью восстановил против себя, не только всю местную администрацию, но и самого Бенкендорфа. Шеф жандармов отказался от его услуг и лишил своего покровительства, начертав на донесении о проделках

любителя провокации — “Точная чума этот Шервуд”⁵¹. На первых порах политическая полиция была чужда такой порочной практики, III отделение могло идти на поводу у самостийных провокаторов, но не проявляло в этом деле инициативы. Хотя работа тайного сыска предоставляет обширное поле деятельности для подобных личностей, их время еще не настало.

⁵¹ Цит. по: Троцкий И. III отделение при Николае I. Жизнь Шервуда-Верного. Л. 1990. С. 174.

Неблагонадежные иностранцы, «польские выходцы» и другие...

Помимо других многообразных функций III отделение ведало всеми «постановлениями и распоряжениями об иностранцах, в России проживающих, в пределы государства прибывающих и из оною выезжающих»⁵².

В 1820—40-е годы в наши пределы въезжало в среднем 15 000 человек в год, почти треть из них направлялась в столицу. На первом месте были подданные германских государств, второе место делили французы и англичане, далее шли швейцарцы, датчане, испанцы, последними были в эти годы американцы, а «азиатцев и африканцев» ежегодно насчитывалось от 1 до 3 человек. Революции 1848—1849 гг. в Европе, а затем Крымская война резко сократили приток в Российскую империю французских и английских подданных, зато возросло число американцев, «заменивших на наших фабриках и заводах английских машинистов». В пореформенную эпоху в связи со строительством заводов, железных и шоссейных дорог в Россию устремилось множество иностранных специалистов. Общее количество въезжающих в империю увеличилось до 50 000 — 60 000 человек в год, а в 1869 году достигло рекордного за время существования III отделения уровня — 92 687 человек⁵³.

Основная масса дел об иностранцах концентрировалась в 3-й экспедиции, в основной своей массе они связаны с выдачей паспортов на въезд в Российскую империю и о вступлении в российское подданство. Кроме того, довольно многочисленную группу документов 3-й экспедиции составляют дела о высылке иностранцев. Нередко за ними учреждали надзор, собирали сведения. Причем, внимание «высшей полиции» привлекала не только «политическая неблагонадежность», но и различные проблемы частной жизни иностранных граждан — неоплаченные долги, коммерческие

⁵² ПСЗРИ. 2 Собр. СПб. 1830. Т. I. С. 666.

⁵³ См.: Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Наблюдение за иностранцами в России // Петербург — место встречи с Европой. СПб. 2003. С. 308—309.

авантюры, семейные неурядицы. В Россию приезжали многие «затейщики, ищущие пропитания от общественного легкомыслия».

Например, в 1848 году в империю прибыл некий «граф Ришбург». Он, якобы, изобрел способ сохранения от порчи продуктов, не прибегая к их засолке. Новшеством заинтересовался цесаревич Александр Николаевич. Вскоре Ришбург испросил разрешения уехать за границу для закупки и изготовления ингредиентов и оборудования, необходимых для его изысканий. А времена, между тем, были беспокойные, в Европе назревали революционные события. И III отделение поделилось сомнениями с наследником престола. Александр Николаевич начертал на всеподданнейшем докладе шефа жандармов: «Предлагаемый им способ слишком важен и потому я согласен как на отправление его за границу, так и на возвращение с учреждением однакож секретного надзора». Ришбург находился за рубежом около полутора лет, оставив в России жену и многочисленные долги. За это время о нем навели справки, свидетельствующие о том, что граф — авантюрист. В результате Ришбургу отказали в реализации его проекта. III отделение фиксировало: «...Как иностранец сей для производства опытов над его способом требует 90 тысяч рублей серебром на покупку необходимых препаратов и на уплату сделанных им в России долгов, то правительство, без верного ручательства в успехе опытов и в пользе последствий их, не может жертвовать столь значительную суммую ... Его Императорское Величество повелеть соизволил проект не принимать». Однако же Ришбургу позволили остаться в Петербурге, и в 1853 году он снова «утруждал» государя, на этот раз проектом о новом способе мощения улиц. Через некоторое время из-за границы на Ришбурга поступила жалоба от некоего Альбиноло — граф выманивал у него деньги, представляясь поручителем российского государя. По сведениям, полученным из Парижа, оказалось, что настоящее имя «графа» Юлий Боном и он давно известен французскому правительству как «составитель проектов, предлагавшихся богачам и выманивающим от них деньги и что французское консульство

всегда удивлялось, как подобный Ришбургу человек может быть терпим в России». В 1862 году он, наконец, был выслан из России «как негодяй»⁵⁴.

В 1850-х увеличилось количество высланных за распространение запрещенной литературы, «коммунистических и социальных» идей и прочего вольнодумства. Причем в подобных случаях на помощь 3-й экспедиции приходили коллеги из 1-й, ведавшей политическими делами. Сотрудники именно этого подразделения брали под свою опеку и отечественных, и иностранных «возмутителей общественного спокойствия», которые вели предосудительные разговоры, разносили по европейским городам и весям различные нелюбезные слухи об империи и т.п.

Шеф жандармов во всеподданнейших отчетах неоднократно указывал на появление в зарубежной печати недоброжелательных отзывов и статей о России. Вообще, литераторы и другие люди творческих профессий всегда доставляли III отделению много хлопот. В июле 1848 года было заведено наблюдательное дело на Оноре де Бальзака, гостившего в поместье «киевской помещицы Ганской». В 1858 году бдительный надзор был учрежден за путешествующим по России «для своего удовольствия» Александром Дюма. «На Кавказе по приказанию наместника назначен был для нахождения при Дюма особый переводчик, на которого были возложены обязанности ближайшего наблюдения за действием и сношениями указанного иностранца в обществе»⁵⁵.

В 1833 году было отказано в праве проезда в Петербург французской «аэропористке» Элизе Гарнерен. Еще в 1831-м она прибыла в Варшаву вместе с отцом «профессором воздухоплавательной физики» Жаном-Баптистом Гарнереном, компаньонкой Викторией Соноа и секретарем, «польским уроженцем» Жабчинским. Это семейство уже имело случай порадовать жителей столицы аттракционом, во время которого каждый желающий мог подняться в небо на воздушном шаре в сопровождении

⁵⁴ Цит. по: Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Наблюдение за иностранцами в России // Петербург — место встречи с Европой. СПб. 2003. С. 313—314.

⁵⁵ Там же. С. 305, 310.

мадемуазель Элизы. Однако в III отделение поступили тревожные сведения о том, что Гарнерен-отец «в Гамбурге под предлогом, что дает зрелище, выманивал деньги. В Венеции и Марсели наделал долгов и, не уплатив оных, уехал...». А главное, изобретательный воздухоплаватель «предлагал мятежническому правительству (имеется в виду правительство, созданное после Ноябрьского восстания 1831 года в Варшаве) проект выделки нового рода огнестрельного оружия»⁵⁶! На это уж никак нельзя было закрыть глаза.

В 30-е годы европейские революции (во Франции, Бельгии, Испании, волнения в подчиненных Австрии итальянских землях), отозвавшиеся в пределах Российской Империи Польским восстанием 1830-1831 годов, действительно, прибавили III отделению забот. После его подавления часть мятежных поляков оказалась в эмиграции. Наблюдение за политической эмиграцией положило начало становлению заграничной агентуры российской политической полиции.

Первые шаги в этом деле были сопряжены со множеством трудностей, и выбор агентов не всегда оказывался удачным. В октябре 1845 года свои услуги в качестве осведомителя предложил некто Станислав Чайковский. Как писал наместник Царства Польского Иван Федорович Паскевич шефу жандармов Алексею Федоровичу Орлову, «нельзя было пренебречь предложением Чайковского; тем более что он ... указал средство, при денежной с нашей стороны помощи, поступить в секретари к Чарторыскому и Замойскому»⁵⁷, лидерам аристократического крыла польской эмиграции.

Предложение приняли, денег дали, и с Чайковским «учредилась» постоянная переписка, но ничего интересного он не сообщал, «ограничиваясь пустыми и темными рассказами» о вещах общеизвестных. «При внимательном соображении всего этого, — делился князь Варшавский с шефом жандармов, — невольно рождается сомнение, что Чайковский, если он действительно состоит секретарем при Чарторыском и Замойском, мог

⁵⁶ Цит. по: Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Наблюдение за иностранцами в России // Петербург — место встречи с Европой. СПб. 2003. С. 307—308.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1847 г. Д. 30. Л. 8 (об.).

вести всю эту переписку по их поручению, чтобы отвлечь внимание правительства от тайных замыслов заговорщиков; во всяком же случае, нельзя считать его иначе, как дерзким плутом, решившимся попытаться, нельзя ли большими обещаниями возбудить к себе доверие и с помощью его выманить деньги, в чем и успел»⁵⁸.

Переписка с коварным поляком была прекращена, тем более что он за время своей «службы» не удосужился даже объяснить, с какой целью его родной брат Михал отправился в Константинополь, хотя и взялся доносить, «каких Чарторыский имеет агентов, где они находятся и какие имеют влияния». А между тем Михал Чайковский свои «влияния» в столице Османской империи, куда он попал в качестве эmissара польской аристократической партии, неуклонно наращивал, и, естественно, попал в поле зрения российской политической полиции.

Лидеры польской эмиграции настаивали на активизации подрывной деятельности против России на Кавказе, где северная империя вела затяжную войну. В 1-ю экспедицию III отделения поступала информация, что после предварительного совещания с Сефер-беем, «уполномоченным от Шамиля в Константинополе», Михал Чайковский (или как он себя именовал — Чайка) отправил на Кавказ агента Леонара (Людвика Зверковского). Последний должен был «привести в исполнение намерения, изложенные в особой данной ему инструкции», которая предполагала «действовать главным образом на дух русской армии, произвести в ней расстройство чрез находящихся в рядах оной поляков и возмутить покорившихся России горцев, примеру коих последовали бы скоро Черноморские и Кубанские казаки»⁵⁹.

Леонар, исполняя свою нелегкую миссию, чуть не погиб. В начале марта 1846 года III отделению, которое не выпускало из вида опасного гостя, сообщили, что он утонул «в реке Закавказского края». Однако вскоре

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1847 г. Д. 30. Л. 12 (об.).

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1845 г. Д. 2 Ч. 4. Л. 29 (об.).

информация была уточнена — российский посланник в Константинополе доводил до сведения начальства, что Зверковский появился в Синопе и направляется в османскую столицу. Судя по тому, что он вез «секретные послания» к Сефер-бею, контакт с горцами был найден. Агент заслуживал одобрения патрона.

Сам же патрон — «рenegат Чайка» — отличился еще и тем, что 6 декабря 1850 года, в день именин Николая I, принял ислам. Таким радикальным способом он лишил российское правительство всяких законных оснований требовать депортации неблагонадежного «польского выходца». Кроме того, поступив на султанскую службу, Чайка — теперь Мехмед Садык (что значит «Верный») — получил неплохое жалование и земельное владение на азиатском берегу Босфора. А еще неофит Аллаха, оставивший некогда в Париже жену-француженку и четверых детей, теперь мог жениться на своей соплеменнице Луизе (Людвике) Снядецкой, которая тоже находилась под наблюдением III отделения и как подданная Российской империи имела трения с русскими властями в Константинополе.

Дочь профессора химии и астрономии Виленского университета появилась в османской столице в 1842 году, «чтобы воздвигнуть надгробный памятник убитому во время турецкой войны, при осаде Варны, жениху ее, русскому офицеру». Затем было замечено, что она «вступила в связь с Чайковским и живет с ним в одном доме, будучи вероятно посвящена в его происки и затеи»⁶⁰. Правда, ничего дающего русской миссии право выслать девицу Снядецкую в Россию, за ней не числилось. А «сделавшись женою турецкого подданного мусульманина Мехмед Садык-бея», она считалась «вышедшей из подданства России».

Супруг же Людвики, Садык-паша в Крымскую войну возглавлял полк лихих «оттоманских казаков». Ко второй половине 60-х годов, когда после провала очередного восстания в Северо-Западном крае Российской империи,

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1847 г. Д. 381. Л. 7.

интерес к «польскому делу» в большой европейской политике иссяк, наш потурченец решил, что с Россией пора помириться. Император Александр II оказался незлопамятным, в 1872 году Чайковский, теперь уже ревностный сторонник православия, получил амнистию. Он вернулся в отечество и доживал свой век в небольшом имении под Черниговом на ежемесячную пенсию в 100 рублей (до 1877 года пенсию он получал и из Стамбула как «отставной генерал-лейтенант турецкой службы»).

На протяжении всего XIX столетия «расположение умов» в Царстве Польском и «возвращенных от Польши губерниях» постоянно оставалось взрывоопасным. Деятельность политически активных «польских выходцев», раздувавших антирусские настроения в европейской прессе, представляла угрозу престижу России. С 1832 года III отделение систематически командировало своих сотрудников в Европу для налаживания контактов с зарубежными коллегами, «изучения на месте положения дел ... и организации правильного наблюдения в важнейших пунктах». Агентурной деятельностью занимались чиновники «по особым поручениям», имена которых впервые официально упоминаются в указе от 17 апреля 1841 года «О новом штате III отделения». «Секретные миссии» за границей исполняли Адам Александрович Сагтынский, Михаил Максимович Попов, Карл Фердинандович Швейцер. Последнему удалось наладить активную работу по «обузданию излишнего либерализма западно-европейской прессы». Его агенты, журналисты, не только выступали против публикаций, «враждебных России», но и снабжали русское правительство разнообразной информацией.

Были среди агентов и раскаявшиеся русские невозвращенцы. Яков Толстой, член Союза благоденствия, застигнутый восстанием декабристов в Европе, высокообразованный и чрезвычайно наблюдательный, стал «литературным агентом» III отделения в Париже. Он числился по Министерству народного просвещения и под прикрытием служебных обязанностей его парижского корреспондента заводил связи среди политиков и журналистов, с помощью которых затем «обрабатывал местную прессу» в

прорусском духе, организовав, например, целую кампанию против польской эмиграции. Благодаря Толстому российское правительство получило подробный обзор состояния французской армии (численность, размещение, вооружение, материальная часть, настроения солдат и офицеров), позволивший Военному министерству четко спланировать предстоящие военно-политические акции в Венгрии, где в 1848—1849 гг. вспыхнуло национально-освободительное восстание против владычества Австрийской империи, для подавления которого потребовалось вмешательство главы Священного союза — российского императора. Сообщения Толстого начала 50-х годов о росте антирусских настроений в Англии, обеспокоенной усилением позиций России на Востоке, должны были насторожить российских политиков еще задолго до начала Крымской войны. Донесения Толстого содержали ценнейшие сведения «о состоянии умов», «о течении дел, о переворотах, о борьбе партий и вообще обо всем, касающемся до высшей политики Европы».

Из года в год агентура собирала информацию об «эmissарах революционной пропаганды», засылаемых в пределы империи для «учреждения тайных обществ, распространения возмутительных сочинений, приготовления народа к всеобщему восстанию»⁶¹ и т.п. Правда, благодаря бдительности жандармов и усилиям местных властей, им обычно не удавалось проникнуть дальше западных губерний, но следовало поставить надежный заслон самому «духу Запада» — мятежному и гибельному. В одном из отчетов III отделения конца 30-х годов утверждается: «Никогда правительство не было в столь строгой необходимости напрягать все свое внимание на распространившееся в Европе желание к перемене порядка вещей, которое через путешествие русских подданных за границу и иностранцев в наши пределы ... проникает отчасти и в Россию. Желание сие побудило высшую полицию, усилив наблюдение за движением умов в пределах государства, прибегнуть ко всем возможным средствам устроить ...

⁶¹ ГА РФ, ф. 109, оп. 223. д. 4, л. 81.

сношение и с лицами, вне одного находящимися, и, пользуясь их благонамеренными извещениями, предупреждать вредные замыслы, могущие поколебать спокойствие России»⁶².

Новые времена — новые заботы

Рубеж, отделяющий Россию от “страшного доброго старого времени”, отмечен вехами Крымской войны, смерти императора Николая и Великой реформы. Поражение 1856 года ставило под сомнение существование России как великой державы. Крепостное хозяйство оказалось не в состоянии обеспечить экономическую и военно-техническую конкурентоспособность страны на европейской политической арене. Умирая, Николай Павлович сказал сыну: “Сдаю тебе мою команду, но, к сожалению, не в том порядке, как желал. Оставляю тебе много трудов и забот”⁶³. 19 февраля 1855 года на российский престол вступил Александр II. Не будучи по натуре реформатором, он нашел в себе мужество признать необходимость перемен. 19 февраля 1861 года император подписал манифест “О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей”.

Характер “эмансипации” общеизвестен. “Облагодетельствованные” крестьяне ответили на объявление “царской милости” взрывом возмущения весной 1861 года. Общество же, переболев той “лихорадкой мысли”, которую вызвала подготовка аграрной реформы, и окончательно уяснив непоследовательность планов верховных преобразователей, чувствовало себя обманутым.

Для политического сыска это беспокойное время обернулось новыми проблемами, а средства и методы его работы оставались прежними. “Переходное состояние, в которое Россия вступила по случаю изменения одной из главных основ ее гражданского установления,” — отмечалось в отчете III отделения за 1861 год, — было “сопряжено с неизбежным болезненным ощущением, проявляющимся с различными оттенками во всех

⁶³ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М. 1996. Кн. 1. С. 155.

слоях общества”⁶⁴. С выходом на политическую арену массы разночинцев, “наименее заинтересованных в сохранении существующего государственного порядка”, круг объектов наблюдения “высшего надзора” расширился настолько, что уследить за “расположением умов” становилось все сложнее. К тому же, политической полиции предстояло разобраться, что представляет собой этот новый потенциальный противник, каковы условия его существования, стиль мышления и мотивы действий интеллигента-разночинца. Для этого требовалось время, определенный уровень подготовки агентуры и аналитических способностей ее руководителей.

Преобразования 60-х несли раскрепощение человеческой личности, к какому бы сословию она не принадлежала. Многие искренно хотели найти себе применение в труде на благо освобожденного народа. Но в новых учреждениях перевес оставался за людьми старого закала, поборникам прогресса приходилось действовать в пассивной или недоброжелательной обстановке, отказываться от убеждений или от дела. Власть шла испытанным бюрократическим путем, отдавая распоряжения сверху и ожидая снизу лишь отчет об исполнении, не предполагая никакого “сотворчества” со стороны общества.

В этом смысле характерна судьба Николая Александровича Серно-Соловьевича, выпускника Александровского лицея, служащего канцелярии Государственного совета, двадцати трех лет пожалованного в надворные советники. В 1858 году он представил Александру II всеподданнейшую записку по крестьянскому вопросу, за что удостоился монаршей благодарности. “В нашем молодом поколении, — заметил император, — много хорошего, истинно благородного, Россия должна много от него ожидать, если оно получит надлежащее направление, но иначе выйдет совершенно противное”⁶⁵. К несчастью, “направления” молодого поколения и российского самодержавия не сошлись.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 216 (об.).

⁶⁵ Революционное движение 60-х. М. 1932. С. 45.

В 1859 году Серно-Соловьевич оставляет службу в Калужском губернском комитете по аграрному вопросу, разочаровавшись в его деятельности, и уезжает за границу. Вернувшись в Россию в 1861 году, Серно-Соловьевич открыл книжный магазин и при нем публичную библиотеку.

Человек, из государственного служащего, сделавшийся купцом 1-й гильдии, не мог не привлечь внимания “высшего надзора”. Один из товарищей Серно-Соловьевича вспоминал о “необыкновенном лакее”, который служил в его доме, — “изящный, красивый, с салонными манерами, говоривший интеллигентным языком. Все это было подозрительно, а в особенности никому не нравилась внимательность, с которой интеллигентный лакей относился к разговорам”⁶⁶. Вскоре книжная лавка и читальня оказались “внезапно запечатанными” без объяснения причин. Добиться справедливости Серно-Соловьевичу не удалось, а летом 1862 года он был арестован по обвинению в сношениях “с лондонскими пропагандистами” Александром Герценом и Николаем Огаревым. “Разве не поразительный факт, — писал он из крепости Александру II, — что человек, в лице которого пять лет назад Вы похвалили молодое поколение, теперь судится как государственный преступник”⁶⁷.

Энтузиазм тех, кто хотел посвятить свою жизнь обновлению России, оставался не востребованным, инициатива наказуемой. “Если вас спросят, кто самый несчастный человек на свете? — сетовал один из представителей молодого поколения пореформенной эпохи, — отвечайте — тот, кто поставлен в бесконечно бессрочное бездействие и гниет заживо не от отсутствия сил и способностей, а от отсутствия возможности употребить их в дело”⁶⁸.

В таком положении оказалась масса “мыслящих пролетариев”, вызванных к жизни новыми временами. С отменой ограничения числа

⁶⁶ «Былое». Пг. 1906. № 11. С. 205.

⁶⁷ Революционное движение 60-х ... С. 70.

⁶⁸ Цит. по: Шилов А.А. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г. Пг. 1919. С. 51.

студентов в высших учебных заведениях молодежь со всех концов России устремилась в университеты, нередко жертвуя на обучение последние гроши. Из низов — за лучшей долей, которую надеялись обрести с получением образования; из всех сословий — за светом новых идей. В этом смешении социальных пластов и рождалась та разночинная интеллигенция, которая часто бывала не у дел не только потому, что не находила поприща, соответствовавшего своим взглядам на общественное служение, но и потому, что потребности страны, еще только вступающей на путь капиталистического развития, не могли поглотить весь образованный пролетариат.

“Безместность” огромной массы разночинцев означала для большинства из них полуголодное существование и вела к крушению надежд — не только на решение вопроса о хлебе насущном, но и на удовлетворение социальных претензий и духовных запросов. Рождались горькая досада на образованное общество, членами которого они так хотели стать, и отчаяние, только усиливавшееся с интеллектуальным развитием, отрезавшим все пути назад, к прозябанию необразованных классов. В результате, разночинец и по материальному положению, и по духовным устремлениям ощущал свою несовместимость с традиционным укладом жизни общества, в отрицании которого созревал нигилизм.

Политическая полиция воспринимала адептов отрицания как “нигилистичью шайку”, “секту негодяев-революционеров”⁶⁹. Определение, звучащее в донесениях агентуры “высшего надзора”, односторонне, но совсем не лишено здравого смысла, так как определенное мировоззрение вызывает определенное мировоздействие.

Итак, поколение 60-х, пробужденное к общественному служению реформой 1861 года, воодушевляемое идеалом “светлой мысли, правды и труда”, рвалось в бой за всестороннюю эмансипацию личности и общества. Проблема действия могла решаться по-разному — умеренные круги склонялись к тому, чтобы определенным общественным давлением вынудить

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 16. Л. 379.

правительство на более решительные уступки; радикалы ставили на повестку дня подготовку к народной революции.

Но в целом, “потребность дела” сводилась в тот период к жажде свободного слова. Его доносил из-за границы герценовский “Колокол”; в пределах Отечества за него можно было поплатиться крепостью или Сибирью, как Николай Гаврилович Чернышевский, фактически осужденный за взгляды, проводившиеся им в журнале “Современник”, а формально за создание прокламации “Барским крестьянам от их доброжелателей поклон”, авторство которой спорно до сих пор. В III отделении имелась целая библиотека революционных изданий, начало формированию которой было положено еще в 1830-е годы.

У политической полиции не вызывало сомнений, что личности, “распространяющие печатным и изустным словом мысли свои о свободе гораздо далее намерений самого Правительства ... действуют ... по вдохновению либерально-мятежной эпохи в прочих европейских государствах”⁷⁰. С 1858 года в отчетах III отделения появляется специальная рубрика “О революционной пропаганде”. Долгое время в сферах политического сыска бытовало мнение о том, что революционное движение привнесено в пределы Отечества извне.

На нейтрализацию пагубного влияния Запада были направлены усилия заграничных сотрудников российского политического сыска. Самое пристальное внимание окружало Александра Ивановича Герцена, и одной из важнейших задач агентуры являлось выяснение корреспондентов “Колокола” и путей его проникновения в Россию. Однако тайные агенты действовали слишком явно и чрезвычайно осторожному Герцену не составляло большого труда их разоблачение. Помогали лондонским изгнанникам и связи на родине. Появление разных подозрительных типов, пытавшихся втереться в доверие к издателям “Колокола”, часто предварялось письмами. Герцен был

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 217 (об.) — 218.

предупрежден о некоем Михаловском, об “астрономе” (а позже — “польском генерале”) Хотинском и многих других⁷¹.

Но, в конце концов, усилия российского сыска увенчались успехом. Секретного сотрудника удалось внедрить в ближайшее окружение Герцена, ввести в его дом. Теперь в III отделении знали, кто бывает у “Искандера” и какие ведутся разговоры, а вскоре получили сообщение, что в начале 1862 года из Лондона в Петербург приедет отставной коллежский секретарь Павел Александрович Ветошников с письмами Герцена, Огарева, Бакунина и Кельсиева. “Курьер” был арестован, нехитрый шифр раскрыт, последовали обыски и аресты лиц, упомянутых в бумагах, и адресатов. Так возникло “Дело о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами”, переданное III отделением в комиссию князя Александра Федоровича Голицына.

“Следственная комиссия по делам о распространении революционных воззваний”, учрежденная 21 мая 1862 года, рассматривала “преступные происки... посредством подкидывания на улицах и в домах” возмутительных листов⁷². В середине 1861 года насыщенная “политическим электричеством”, предгрозовая атмосфера разрядилась потоком прокламаций. Печатные и рукописные, они наводняли столицы, появлялись в провинции, обращаясь к “образованным классам”, офицерам и солдатам, молодежи, крестьянству, призывая поверить в свои силы и добиться решительных перемен. Все прокламации — от листов “Великоросса” и воззвания “К молодому поколению”, вышедших из круга редакции журнала “Современник”, до знаменитой “Молодой России” — сходились на том, что “народ царем обманут”, что уповать на добрую волю правительства не приходится, и “долго медлить решением нельзя”. К лету 1863 года, к сроку окончательного составления уставных грамот, когда народ надеялся получить “настоящую волю”, ждали крестьянского восстания.

⁷¹ Герцен А.И. Собр. соч. в 30 томах. Т.19. М. 1960. С. 34—44.

⁷² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 219.

Однако, “воззвания не произвели никакого особенно дурного действия, — как отмечалось в отчете III отделения, — некоторые же из главных распространителей оных были открыты и преданы суду”⁷³. Среди них оказался и Чернышевский. “Дирижер радикального оркестра” давно уже беспокоил III отделение. Провозвестник новых идей, в изложении которого самые запутанные теории выглядели азбучно ясными, ученый и публицист, касавшийся в своих статьях самых злободневных вопросов современности, он был в глазах молодого поколения Учителем, равным Христову апостолу. Его имя постоянно мелькало в переписке неблагонадежных лиц, которая подвергалась перлюстрации; хранители устоев указывали на него в анонимных доносах.

В октябре 1861 года за Чернышевским было установлено систематическое наблюдение. Расположившийся у окна комнаты, которая была нанята III отделением напротив его дома, сотрудник тщательно фиксировал все перемещения подозрительного литератора и его гостей. Швейцар снабжал III отделение корреспонденцией жителей дома для предварительного просмотра. Его жена, заботами политического сыска, была “определена в кухарки” к Чернышевским, с наставлением “стараться удерживать кое-что из разговоров”. Однако, все эти труды не дали нужных результатов, как и обыск, проведенный во время ареста, формальным предлогом для которого послужило упоминание имени Чернышевского в одном из писем, отобранных у Ветошникова.

Выпустить из клетки такого опасного зверя — значило для политической полиции расписаться в своем полном бессилии. Задача состояла в том, чтобы добыть конкретные материалы, которые могли бы придать следствию нужное направление и обеспечить законность судебной расправы над совратителем умов неопытного юношества. Чтобы “уличить” Чернышевского в противоправительственной деятельности политическому сыску пришлось прибегнуть к помощи Всеволода Костомарова — человека,

⁷³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 219 (об.).

наделенного богатым воображением и феноменальной способностью менять почерк, автора грандиознейшего в истории борьбы с революционным движением подлога.

Зимой 1862 года он был задержан в связи с распространением прокламаций. Костомаров указал на роль Чернышевского как одного из главных вдохновителей оппозиции, но в этом он был не оригинален. Когда весной воззвания появились вновь, к Костомарову, освобожденному из заключения до вынесения приговора, обратились в поисках их источника. Он сообщил, что готов предоставить властям важные сведения. Сотрудничество с политической полицией сулило ему выгодное окончание его собственного дела и деньги, которых так не хватало отставному корнету, живущему литературным трудом.

Санкт-Петербургский генерал-губернатор князь Александр Аркадьевич Суворов получил записку о том, что “член революционного общества, согласный открыть лиц, участвовавших в заговоре, план и цель их действий”, не может выдать все “безусловно”, так как однажды уже пострадал от нескромности управляющего III отделением Петра Андреевича Шувалова. Вот условия, выдвинутые Костомаровым: 1) он не должен быть замешан в этом деле ни в качестве участвующего, ни в качестве открывателя или свидетеля; 2) для отклонения всякого от него подозрения в измене обществу нужно разжаловать его в рядовые с назначением в Кавказский корпус; 3) следует предоставить его семейству ежегодное вспомоществование в 1500 рублей, а ему — право выслуги⁷⁴.

В этих пунктах учтены все основные моменты взаимодействия политической полиции и ее секретного сотрудника — принципы использования секретной информации и сохранение конспиративности ее источника, способ выведения агента из дела и, конечно, награда. Окажись Костомаров на службе в III отделении, он мог бы успешно руководить агентурной работой. Предложения Костомарова содержали и еще одну

⁷⁴ «Былое». Пг. 1919. № 14. С. 116—117.

ценную мысль, свидетельствующую о его сыскных талантах: “Не должно скоро арестовывать лиц, указанных им, а следить за ними, чтобы посредством этих сотен открыть тысячи”⁷⁵.

Но в III отделении к его советам не прислушались и вместо направления на Кавказ, Костомарова решили на полгода поместить в крепость. И он тоже изменил свои намерения. Дело о Костомарове приняла к производству следственная комиссия князя Голицына, членам которой он заявил, что у него имеются бумаги лиц, прикосновенных к составлению и распространению прокламаций: записка Николая Шелгунова, два письма Михаила Михайлова (уличающие Чернышевского в составлении прокламации “К барским крестьянам от их доброжелателей поклон”). Вот оно, долгожданное вещественное доказательство преступных действий Чернышевского! Но “архибестия” Костомаров говорит, что все эти документы находятся в конверте, который хранится у Ивана Сергеевича Шиповалова, разыскать, которого, естественно, не удастся. Улики есть, но они недоступны! Тем не менее, обоюдными усилиями выход был найден. Костомарова отправляют на Кавказ, по дороге он пишет письмо товарищу, где сообщает о своем деле и приговоре, а также упоминает о пресловутой прокламации и авторстве Чернышевского. Письмо задерживают, III отделение требует объяснений. Костомаров дает показания, которые и послужат основанием для допроса Чернышевского.

Пока измышлялся и приводился в исполнение этот план, Костомаров изучал “Дневник” Чернышевского, доставленный ему политической полицией. Освоившись с его почерком и стилем, талантливый мистификатор сумел, наконец, передать в руки правосудия “реальные” доказательства виновности Чернышевского: “его” карандашную записку на имя Костомарова и письмо к Алексею Плещееву, обличающие Чернышевского в составлении прокламации “К Барским крестьянам”. Чернышевский не признал “свою” руку, но был осужден за “сочинение возмутительного

⁷⁵ «Былое». Пг. 1919. № 14. С. 117.

воззвания, передачу оногo для тайного печатания с целью распространения и в принятии мер к ниспровержению существующего в России порядка управления” и приговорен “к лишению всех прав состояния, ссылке в каторжную работу в рудники на семь лет и затем поселению в Сибири навсегда”⁷⁶.

По иронии судьбы, пока тянулся этот процесс, Чернышевский создал роман “Что делать?”, ставший Евангелием молодежи 1860-х годов. Значение этого произведения для развития революционного движения далеко превосходило влияние журналистской деятельности Чернышевского, за которую он понес столь суровое наказание.

В то время как власть трудилась над преобразованием всех сторон жизни страны, в обществе, особенно в его левом лагере, росла уверенность, что “честный русский не может быть другом правительства” и действовать с ним заодно. Нетерпеливая молодежь видела своих лидеров “строителями судеб мира”. Противоречие высочайшей самооценки и социальной неприкаянности — синдром разночинца — порождало истинно разночинское (деклассированного, по сути, элемента) желание перевернуть все вверх дном, чтобы “кто был ничем — стал всем”.

Модель подобной трансформации действительности и конкретный ответ на извечный вопрос “что делать?” находили в знаменитом романе Чернышевского. По завету Учителя молодежь пыталась “переносить в настоящее” черты будущих личных и общественных отношений.

Не отставали от сверстников и члены кружка вольнослушателя Московского университета Николая Ишутина, к которому принадлежал первый российский политический террорист Дмитрий Каракозов. В 1863 году молодые люди, в основном студенты, составили общество взаимного вспомоществования, артельные переплетную и швейную мастерские, строили планы создания общества переводчиков и переводчиц, словом —

⁷⁶ Цит. по: Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России. М. 1982. С. 96.

пытались претворить в жизнь различные “ассоциации” для пропаганды делом “социальных идей”.

В жизни, правда, все обстояло сложнее, чем в романе “Что делать?”. Трудности внешнего и внутреннего характера, такие как проблема легализации артельных обществ, с одной стороны, и неумелая организация их работы — с другой, подтачивали начинания ишутинцев. Сам же Каракозов, получавший от родных из Пензенской губернии “крайне ограниченное содержание” и живший грошовыми уроками, “в виду невзноса платы” за обучение в первое полугодие 1865-го — 1866 года из университета был “уволен”.

Оставшись не у дел, многие представители молодого поколения нередко обращались к разного рода играм “в конспирации”, что еще более усложняло для них проблему поиска своей социальной ниши. В ишутинском кружке нарастала неудовлетворенность мирной деятельностью пропагандистов новых идей. 4 апреля 1866 года, выстрелив в Александра II, Каракозов попытался осуществить более эффективную форму пропаганды делом — “путем преступлений”, чтобы “расшевелить заснувший народ”.

Но в народе распространилась молва о том, что в царя-Освободителя стрелял помещик, недовольный отменой крепостного права, а в обществе, прежде всего, возник вопрос, не поляк ли покушался на священную особу государя. Ведь в 1863 году в империи вновь запылал “польский мятеж, возбудив поднятие русского патриотизма у всех верноподданных”⁷⁷. Политическая полиция отреагировала на польские события учреждением в Северо-Западном крае 50 жандармских команд и уездных жандармских управлений “для усиления средств местной администрации и наблюдения”, были также созданы полицейские управления на Петербургско-Варшавской и Рижско-Динабургской железных дорогах. Но проникновения в центральную Россию польских эмиссаров избежать не удалось, ярчайшим свидетельством чему стал так называемый “Казанский заговор” — попытка польских

⁷⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 55. Л. 20.

повстанцев организовать, а точнее спровоцировать, с помощью русских революционеров народное движение в Поволжье, чтобы объединить все усилия в борьбе с самодержавием Романовых, или, по меньшей мере, отвлечь часть правительственных войск на подавление нового бунта.

Политическая полиция убеждала императора, что “Каракозов и его соумышленники составляют в России явление исключительное”⁷⁸. Но доносы, предостерегающие о возможности новых покушений, стали поступать в III отделение один за другим. Проводимые розыски выясняли их неосновательность, тем не менее, подобные обстоятельства вызывали августейшие беспокойство. Все это могло обернуться и заговором международного масштаба.

На следствии по делу Каракозова всплыли сведения о существовании Европейского Революционного Комитета, “имеющего целью содействовать успехам революции во всех странах систематическим убийством царствующих особ и высокопоставленных правительственных лиц”⁷⁹. Ничего определенного узнать не удалось, но в мае 1866 года произошло покушение на Бисмарка, ходили слухи, что готовится нападение на Наполеона III. Российский посланник в Турции доносил о “двух неизвестных русских, приезжавших из Одессы в Константинополь, которые говорили тамошним полякам, что принадлежат к тайному обществу, агент которого покушался на царя, а центр находится за границей”⁸⁰. 6 июня 1867 года в Александра II во время его визита в Париж стрелял поляк Антон Березовский. А в записке агента III отделения Трофимова, выдававшего себя за ссыльного поляка Трохимовича, сообщается о его беседе с Иваном Худяковым, одним из главных действующих лиц на каракозовском процессе. Последний говорил, что “заговор считает неоконченным”, Александр II “революционерами

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 31. Л. 116.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 12. Л. 120 (об.), 413 (об.) — 414; Д. 14. Л. 281, 314 (об.), 341, 342; Д. 15. Л. 30 (об.), 89.

⁸⁰ «Былое». СПб. 1907. № 6. С. 298.

обречен на смерть”, Березовский “действовал не от себя, а в целях Парижского революционного комитета”⁸¹.

Чтобы уберечься от общей опасности, нужно было усилить координацию действий органов спецслужб европейских держав. Заграничная агентура Российской империи давно работала сообща с иностранным сыском, а после событий 1866 года барон Врангель, командированный в Германию, передавал русскому правительству соображения Бисмарка на этот счет. Он планировал внедрение в революционную среду секретного сотрудника. ”На избранное для этой цели благонадежное лицо следовало бы возвести обвинение в каком-нибудь вымышленном преступлении, подвергнуть его заключению под стражу и произвести ему несколько допросов, затем дать ему средства бежать из места заключения и отправиться за границу...”, где он и войдет в доверие к злоумышленникам⁸². Проблема усовершенствования внутреннего наблюдения снова стояла перед органами политического сыска во всей своей остроте.

В отчете III отделения за 1866 год утверждалось, что “в покушении на цареубийство участвовала горсть ничтожных личностей, хотя по преимуществу Русских, но действовавших под влиянием и для цели польской пропаганды”⁸³. Политическая полиция оправдывалась. Далее на нескольких страницах перечисляются меры, принятые III отделением для выяснения личности злодея и его соучастников, для “неослабного содействия” Петербургской и Московской следственным комиссиям и т. д. Но главная задача осталась невыполненной, “высший надзор” не сумел “предупредить” преступление. “Око Государево” проглядело гнездилище цареубийственных замыслов среди множества похожих один на другой студенческих кружков с “социальным” оттенком. Вскрылись все проблемы работы сыска в радикально изменившейся оперативной обстановке. Разночинскую среду

⁸¹ «Русская литература». 1962. № 4. С. 151, 155.

⁸² «Былое». СПб. 1907. № 6. С. 300.

⁸³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 31. Л. 116 (об.).

невозможно было охватить наблюдением старыми методами, новые же еще не сложились.

Е.И. Щербакова

«Посеешь ветер, пожнешь бурю»

Реакция властей на такое неслыханное событие, как покушение на цареубийство, была вполне предсказуемой. Дмитрий Каракозов стрелял в Александра II 4 апреля 1866 года, а 28 апреля Петр Андреевич Шувалов, сменивший Василия Андреевича Долгорукова на посту главноуправляющего III отделением и шефа Корпуса жандармов, подал на высочайшее имя докладную записку о мерах к восстановлению порядка в империи. Чтобы защитить страну от “разрушительного действия вредных элементов”, следовало “устроить полицию так, чтобы она была в состоянии обнаруживать то, что совершается в среде общества”⁸⁴. Должное внимание было уделено агентурной работе, в III отделении появился Секретный архив, где сосредоточивались политические дела и материалы перлюстрации, систематически пополнялась фототека и “Алфавит лиц, политически неблагонадежных”. Некоторые изменения были внесены в распределение обязанностей экспедиций III отделения. Все сведения о “государственных злоумышлениях” сосредоточивались теперь в 3-ей экспедиции; в ведении 1-ой оставались лишь дела “об оскорблении величества”; 4-ая экспедиция была упразднена, а ее дела переданы в 1-ую и 2-ую; 5-ая, осуществлявшая ранее цензуру драматических произведений, теперь должна была наблюдать за всеми периодическими изданиями.

“Главная цель преобразования, — писал Шувалов, — состоит в том, чтобы по мере возможности, образовать политические полиции там, где они не существуют, и сосредоточить существующую полицию в III отделении Вашего Императорского Величества канцелярии, для единства их действий и

⁸⁴ «Былое». СПб. 1907. № 1. С. 236—237.

для того, чтобы можно было точно и однообразно для целой империи определять, какие стремления признаются правительством вредными и какие способы надлежит применять для противодействия им”⁸⁵. В подчинение III отделению поступила “Охранная стража”, создание которой было вызвано необходимостью оберегать особу государя императора. Персонал этого подразделения (начальник, три его помощника, 6 секретных агентов и 86 стражников) принимал участие и в работе политического сыска.

Новый руководитель “высшего надзора” обнаружил “полное расстройство столичных полиций”, добился ликвидации Санкт-Петербургского генерал-губернаторства и передачи его функций градоначальству, подчиненному III отделению. При канцелярии петербургского градоначальника возникло, в свою очередь, еще одно новое учреждение — Отделение по охранению общественного порядка и спокойствия, ставшее прообразом позднейших “охранок”, неотъемлемой части структуры политического сыска Российской империи.

Шувалов подготовил также новое “Положение о Корпусе жандармов”, утвержденное царем в сентябре 1867 года и в неизменности дожившее до Февраля 1917-го. Единство действий всех жандармских управлений на железных дорогах, а также на Кавказе и в Варшаве, усиление надзора на местах обеспечивалось созданием дробной системы губернских управлений и уездных наблюдательных пунктов вместо громоздких жандармских округов.

Шеф жандармов озаботился и состоянием кадрового состава “лазоревого ведомства”. В новых условиях вопрос подбора кадров приобретал особую остроту. Согласно “Положению”, унтер-офицеры наблюдательного состава корпуса “должны быть во всех отношениях благонадежны, не бывшие в штрафах, не польского происхождения или католического исповедания, не женатые на католичках, не евреи или перекрещенцы, вполне здоровые, росту не менее 2 аршин 4 вершков и

⁸⁵ Там же. С. 239.

непрерывно настолько грамотные, чтобы могли свободно написать краткое донесение о происшествии и вообще обо всем, ими замеченном”. Чтобы успешно уловлять крамолу, нельзя было сильно отставать от своего противника — интеллигента. Для повышения образовательного уровня и теоретического знакомства с идеологией основного объекта наблюдения жандармы могли пользоваться ведомственной библиотекой, включавшей и коллекцию нелегальных изданий. При Корпусе появилась особая школа для подготовки к “сознательному использованию обязанностей службы по наблюдательной части”⁸⁶.

Порядок приема офицеров, желающих перейти на службу в Корпус жандармов, регламентировался “Правилами для определения в Корпус жандармов вновь поступающих лиц”. Прошение на имя шефа жандармов рассматривалось в особой комиссии, которая знакомилась с “общим развитием поступающего, его познаниями и способностями к специальной служебной деятельности”, наводила о кандидате справки и составляла заключение, поступающее на утверждение главы ведомства. Затем офицер прикомандировывался к штабу Корпуса для приобретения “необходимых в его будущей служебной деятельности познаний”. После стажировки следовало еще сдать экзамен, при котором особое внимание обращалось на усвоение офицером техники политического розыска, организации судебных округов, устройства прокуратуры, умение вести следствие, составлять протоколы и различные постановления, знание системы наказаний, “ответы письменные на заданные практические случаи”. И только после такой многоступенчатой проверки решался вопрос, на какую вакантную должность может быть назначен тот или иной офицер “с большей для службы пользой”. Причем все эти испытания были далеко не пустой формальностью, в 1871 году, к примеру, из 142 человек, подавших прошение о зачислении в Корпус, шефом жандармов был отобран только 21 офицер, комиссия же “постановила допустить к занятиям” всего шестерых.

⁸⁶ Цит. по: Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. СПб. 1992. С. 90.

Инструкции, на основании которых действовали чины Корпуса жандармов, тоже было необходимо привести в соответствие с требованиями времени. 14 мая 1867 года шеф жандармов утвердил новую “весьма секретную” инструкцию, гласившую, что “наблюдательный состав Корпуса жандармов учрежден для охранения благосостояния и спокойствия всех сословий”; главная его обязанность — следить “за недопущением беспорядков, злоупотреблений и законопротивных поступков”, применяя “меры кротости и убеждения, стараясь всякое зло, если возможно, предотвратить или устранить личным влиянием”. В обстоятельствах же особой важности, затрагивающих “благосостояние государства и общественную безопасность”, предписывалось обращаться к содействию “воинских и гражданских начальств”. Через год была разработана инструкция для нижних чинов наблюдательного состава Корпуса, согласно которой сведения, добытые “негласно или секретным наблюдением”, унтер-офицеры должны сообщать исключительно своему руководству, не взирая ни на какие требования “начальствующих лиц посторонних ведомств” на местах. Жандармы обязаны были присутствовать “с наблюдательной целью” в местах большого скопления народа: на ярмарках, торгах, празднествах и “всякого рода публичных съездах”.

Выстрел Каракозова повлек за собой и общее изменение правительственного курса. Рескриптом 13 мая 1866 года на имя вице-председателя Государственного совета князя Павла Павловича Гагарина царь распорядился навести в стране порядок. Репрессии обрушились на демократическую печать, были закрыты “Современник” и “Русское слово”, подверглись ограничению права земств и были расширены полномочия губернаторов, ужесточился надзор за высшей школой, студенчеством и молодежью вообще.

На столичных улицах стало небезопасно появляться понигилистически одетыми, ибо, по мнению “высшей полиции”, “со дня преступления 4 апреля, среда, воспитавшая злодея, заклеямена в понятии

всех благомыслящих людей; а потому, и ношение костюма, ей присвоенного, не может, в глазах блюстителей общественного порядка, не считаться дерзостью, заслуживающею не только порицания, но и преследования”⁸⁷. Стриженных барышень в синих очках, круглых шляпах и платьях без кринолина предлагалось препровождать в полицейское управление и брать с них подписку о ”неношении помянутой одежды”. В противном случае преступницам грозила немедленная высылка из столицы административным порядком с учреждением за ними строгого наблюдения. Что уж говорить о тех, кто был замечен в более серьезных проступках и признан распространителем губительных западных теорий.

Неминуемый арест ожидал также тех, кто стремился ”уплатить долг образованного меньшинства народу”, как, например, члены ”Рублевого общества” (конец 1867 — весна 1868). Молодые люди собирались сделаться кочующими сельскими учителями. Попутно они планировали беседовать с крестьянами на исторические и политические темы, распространять литературу — исключительно легальную и провести подворное статистическое описание. Несостоявшиеся просветители хотели ознакомить крестьян с действительно небесполезным в народной жизни вещами. Среди них арифметика и счетоводство, домашняя гигиена и ветеринарное искусство, практическая геометрия и межевание, важнейшие понятия географии и истории, основы отечественного законодательства, отрывки из лучших литературных произведений. ”Единственным нелегальным пунктом в нашей программе, — писал один из членов ”Рублевого общества, — было собирание фактов, наблюдений и опытов по вопросу о том, насколько наш простой народ доступен антиправительственной пропаганде, — так как этот вопрос был в то время очень спорным для нас...”⁸⁸

Власти вмешались раньше, чем все это вышло из области фантазий. До суда не дошло, члены ”Рублевого общества” отделались

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1866 г. Д. 131. Л. 1—1 об.

⁸⁸ Лопатин Г.А. Автобиография (1845—1918). Показания и письма. Статьи и стихотворения. Пг. 1922. С. 9.

разными сроками административной ссылки. Так поступали всегда, когда отсутствовал формальный состав преступления — нельзя же судить за намерения, а наказывать можно и должно. Голос трезво мыслящих людей, которые призывали не раздувать дел до несвойственных им размеров, на вершинах власти услышан не был. Жесткими мерами правительство только увеличивало массу наэлектризованного и недовольного "мыслящего пролетариата".

Кстати, не стоит забывать, что даже при отсутствии прямых распоряжений высшего начальства, которые отличались бы держимордовской глупостью, начальство низшее на Руси испокон веков чрезвычайно ретиво. В архивах III отделения сохранилась масса дел об "удалении от должностей учителей народных училищ за вредное их направление". Например, учитель всенародного 3-х классного Белевского училища Дмитрий Никанорович Воейков был уволен за то, что "во время возвращения крестного хода с Иордани, став на возвышенном месте большой улицы и облокотясь на перила, все время не снимал с головы своей шляпы, рисовался своим неуважением к святыне"⁸⁹. Хотя, наверное, просто стояли крещенские морозы. Преподаватель Белгородской семинарии Василий Сланский лишился места в связи с донесением помощника начальника Курского губернского жандармского управления о том, что "в нравственности Сланского обнаруживается направление к нигилизму, в выражениях его проявляется несочувствие к установленному порядку, вообще по испорченности характера и дурному направлению личность неблагонадежная..."⁹⁰ Никакой конкретики это сообщение не содержит. А ведь таких подозрительных лиц обычно отстраняли от должности с дальнейшим "недопущением к обучению и воспитанию юношества как в учебных заведениях, городских и сельских, так и в

⁸⁹ ГА РФ. Ф. 109. 1872 г. Д. 13. Л. 1.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 109. 1870 г. Д. 15. Л. 1.

частных домах”, лишая возможности зарабатывать на жизнь тем трудом, к которому они готовились.

Неудовлетворенность, нетерпение и нетерпимость становились спутниками многих представителей разночинной интеллигенции. Правительство, которому повсюду мерещилась революция, само множило ряды противников существующего строя.

В среде разночинной интеллигенции пореформенного периода формировался особый тип личности, особый тип общественного деятеля — предтечи профессиональных революционеров, игравших ведущую роль на протяжении всего дальнейшего развития освободительного движения в России. Именно с этими “новыми людьми” предстояло вступить в борьбу органам политического сыска.

Они отличались от окружающих своей системой ценностей, которая не оставляла им места в обыденной жизни, превращая в “отщепенцев” от традиционного общества. Тем, кто ставил перед собой грандиозную задачу радикального обновления России, тесны были рамки повседневности, неприемлемы навязываемые ею компромиссы. Их уделом оставался “практический нигилизм”. Ярким его проявлением стала деятельность нечаевской “Народной расправы”, нацеленная на устранение “орды... подлых народных тиранов” и прочих препятствий на пути всенародного восстания, ожидавшегося теперь к 1870 году (времени окончания срока временнообязанного состояния крестьян).

Фигура Сергея Нечаева возникла на политической арене в тот момент, когда после апрельского погрома 1866 года в революционной среде воцарились растерянность и подавленность. Молодежи приходилось довольствоваться студенческим движением, которое воспринималось наиболее радикальными элементами как жалкая отдушина в том тоскливом и тревожном состоянии, в котором она пребывала. “Конечно, — вспоминала

Вера Засулич, — это не ... работа для “блага народа”, не “революция”, но хоть “что-нибудь”, какая-нибудь “жизнь”⁹¹.

Почва для “разрушительной” работы Нечаева представлялась благодатнейшая, и одним из наиболее зримых результатов этой работы стало вовлечение в сферу антиправительственной борьбы широких масс молодежи. Всеми силами (прокламационная кампания, создание сети “пятерок” для своей подпольной организации, мистификации разного рода и пр.) старался он возбудить в окружающих дух протеста и, скомпрометировав в глазах общества, отрезать им все пути назад, к “мирной жизни граждан”.

III отделение оценивало Нечаева как опаснейшего агитатора, особое беспокойство вызывали его связи с эмиграцией и ее признанными лидерами Бакуниным, Герценом и Огаревым. Вспомним, что в очередной раз Нечаев исчез из России накануне 1870 года, чреватого крестьянским восстанием. Его необходимо было доставить в пределы отечества. Русская полиция смело могла рассчитывать на помощь зарубежных коллег, так как Нечаева разыскивали как уголовного преступника — “главного виновника совершенного в ноябре 1869 года близ Москвы убийства студента Петровской земледельческой и лесной академии Иванова”⁹². Были мобилизованы все усилия секретной и наблюдательной агентуры за границей.

Многолетний эмигрант, теоретик анархизма князь Петр Алексеевич Кропоткин был не совсем прав, когда говорил в своих воспоминаниях, что шпиона всегда можно распознать⁹³. С конца 60-х годов в среде русской эмиграции действовал агент III отделения Карл-Арвид Роман — “издатель Постников”. Он обладал недюжинным талантом перевоплощения, был агентом, “искренне любящим свое дело”⁹⁴. Именно такой сотрудник мог, по

⁹¹ Засулич В.И. Нечаевское дело \ Groupa “Освобождение Труда”. Сб. № 2. М. 1924. С. 26.

⁹² Цит. по: Лурье Ф.М. Созидатель разрушения. СПб. 1994. С. 245.

⁹³ Кропоткин П.А. Записки революционера. М. 1988. С. 447—448.

⁹⁴ Кантор Р.М. В погоне за Нечаевым. Пг. 192. С. 41.

мнению начальства, напасть на след Нечаева. После крушения надежд на филерское наблюдение, когда по ошибке вместо Нечаева был арестован Семен Серебряков, Роману была предоставлена вся полнота инициативы.

Секретному сотруднику политической полиции удалось не просто познакомиться, а “приобрести симпатию и доверие”⁹⁵ триумвиров революционной эмиграции — Герцена, Огарева и Бакунина. В переписке Бакунина и Огарева Роман именуется не иначе как “наш друг, храбрый полковник”⁹⁶, с ним не прерывали “теплой дружбы”, несмотря на сообщения, что “Постников” не тот, за кого себя выдает. “Я радовался, — пишет последний в донесении заведующему секретной экспедицией III отделения Константину Федоровичу Филиппеусу, — такому исходу дела, ибо сближение наше с этими господами есть главная наша задача, до которой русский агент, сколько мне помнится, не достигал. Недаром я ем и зарабатываю насущный хлеб у правительства ...”⁹⁷

Некоторое время он обретался в Женеве одновременно с Нечаевым, но ни разу не столкнулся с ним, хотя общался с тем же кругом лиц. На осторожные вопросы о Нечаеве Бакунин не отвечал, а Огарев, как сообщает Роман, и сам точно не знал, где тот находится. После разрыва Нечаева с “триумвирами” дело окончательно зашло в тупик. Ни дарования, ни связи не помогли “Постникову” исполнить свою миссию. Нечаев был выдан польским эмигрантом Адольфом Стемпковским и взят в Цюрихе 2 августа 1872 года.

Разоблачение нечаевщины вызвало сильную реакцию в революционной среде. На какое-то время возобладала резкая неприязнь к жестким организационным формам, диктаторству и экстремистским прожектам, нашедшая отражение в первой, стихийной, волне “хождения в народ”. Будучи приверженцами теории “общинного социализма”, согласно которой Россия на своем историческом пути движется в том же направлении, что и Европа, но придет к справедливому общественному устройству, минуя

⁹⁵ Там же. С. 55.

⁹⁶ Там же. С. 71.

⁹⁷ Там же. С. 69.

капитализм с его “язвой пролетариата”, опираясь на крестьянский “мир”. Народники стремились отдать крестьянству долг образованного общества, избавить его от социального гнета и экономической отсталости.

Одни видели спасение в рационализации рутинного хозяйства, создании школ, больниц, другие — в организации “всеобщего бунта” по Бакунину, сквозь очистительный огонь которого русский мужик, “социалист по инстинкту”, проведет Россию к новой жизни. Те, кто не разделял тезиса Михаила Бакунина о готовности масс к социальному перевороту, шли за Петром Лавровым, призывавшим интеллигенцию к планомерной пропагандистской работе.

Опыт “хождения в народ” вновь вызвал к жизни идею централизации движения, воплотившуюся в 1876 году с появлением “Земли и воли”, которая и попыталась развернуть систематическую деятельность в этом направлении. К концу 1870-х стало ясно, что к “оседлой” пропаганде крестьяне восприимчивы не более чем к “летучей”. Аресты же ожидали не только “вспышкопускателей”, но и тех, кто ходил в народ “для рекогносцировки”.

Главной задачей политической полиции становилась борьба с революционной пропагандой в империи. Дознания проводились в 26 губерниях, задержано было несколько тысяч человек. В мемуарах жандармского генерала Василия Дементьевича Новицкого содержится впечатляющее описание того колоссального труда, который ему пришлось проделать по подготовке материалов для формального следствия⁹⁸. 19 мая 1871 года императором было утверждено мнение Государственного совета “О порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений”, согласно которому жандармы вновь получали право проведения дознаний по политическим делам (судебные уставы 1864 года возлагали эту обязанность на членов судебных палат и специально назначаемых следователей под присмотром лиц прокурорского надзора). Согласно этому закону, они должны были немедленно сообщить лицам

⁹⁸ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М. 1991. С. 77—79.

прокурорского надзора и полиции на местах “о всяком замеченном ими происшествии, заключавшем в себе признаки государственного преступления”, а также принять меры для “предупреждения уничтожения следов преступления и пресечения подозреваемому способов уклониться от следствия” до прибытия чинов полиции. Производство дознаний жандармы могли начинать “как по предложению прокурора судебной палаты, так и непосредственно”, уведомив его об этом. Помимо расспросов и негласного наблюдения, жандармы получали право производить осмотры, освидетельствования, обыски и выемки в процессе дознания.

За новым узаконением последовало “специальное разъяснение” прав и обязанностей чинов Корпуса жандармов, которое было разослано на места. Вскоре Шувалов утвердил “Дополнительные правила к закону 19 мая 1871 г. для лиц Корпуса жандармов и III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, участвующих в производстве дознаний по государственным преступлениям в Санкт-Петербурге”. На основании этого документа при штабе Корпуса была создана особая структура — “Постоянное дежурство для производства дознаний по государственным преступлениям в Санкт-Петербурге”, состоявшее из нескольких жандармских офицеров, которые поочередно обязаны были “безотлучно находиться в помещении, где дознание производится”, дабы процесс не прерывался ни днем, ни ночью. Практическое применение закона 19 мая 1871 года требовало и от жандармов, и от чиновников III отделения знаний основ уголовного производства. В конце 1871 — начале 1872 гг. для них был прочитан курс лекций по правовым вопросам, а при шефе жандармов учредили должность юрисконсульта.

Кроме того, никто не снимал с них бремени “высшего надзора”, а число поднадзорных все росло и росло. Ревизия представленных в III отделение начальниками Губернских жандармских управлений “списков лиц, состоящих под негласным наблюдением”, не сократило их количество. Летом 1871 года в Жандармские управления поступило предписание “стараться

доставлять и сообщать в III отделение Собственного Его Императорского Величества канцелярии фотографические портреты всех вообще лиц, которые почему-либо обращают на себя внимание правительства, преимущественно в отношении политической благонадежности”⁹⁹. Сотрудники “наружного наблюдения”, филеры, сбивались с ног, деятельность внутренней агентуры оказывалась не эффективной, так как при организационной аморфности движения его практически невозможно было взять под контроль.

Ничем не могла помочь на практике и новая инструкция “по наблюдательной части”, утвержденная преемником Шувалова на посту шефа жандармов и начальника III отделения Александром Львовичем Потаповым в начале 1875 года. “Деятельность чинов Корпуса жандармов, — говорилось в этом документе, — представляется в двух видах: в предупреждении и пресечении разного рода преступлений и нарушений закона и во всестороннем наблюдении. Первый из этих видов деятельности опирается на существующее законодательство, и все действия жандармских чинов в этом отношении определены законом 19 мая 1871 г. Второй же вид ... не может подчиняться каким-либо определенным правилам, а, напротив того, требует известного простора ...”

Предоставляя “простор” инициативе жандармов в осуществлении наблюдения, поле которого расширялось день ото дня — “школы, публичные лекции и чтения для народа”; “книжная торговля, в особенности вразнос, кабинеты для чтения”; “лица, путешествующие для собирания разных сведений с научною целью, которой можно иногда прикрывать другую, преступную цель” и т. д. — правительство не обеспечило их деятельность ни прочной правовой основой, ни крепкой материальной базой.

По словам жандармского генерала Бачманова, “никаких средств на агентуру жандармские офицеры не имеют и, следовательно, никакого секретного надзора учредить не могут, на явный, официальный надзор не

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 109. 3 экспедиция. 1871 г. Д. 164. Л. 1.

имеют никакого права, ... а от благонамеренной среды ничего не узнают, так как среда эта их чуждается”. Подобные неутешительные сведения о состоянии розыскной работы можно почерпнуть и из письма заведующего 3-ей экспедицией III отделения Филиппеуса, приложенного к прошению об отставке. “Имей я понятие ... о предстоявшей мне лично обязанности на началах подряда содержать агентов и возиться с ними, я не принял бы должности”. Агентуру, поступившую в его распоряжение, составляли: “убогий писака”, ежедневно сообщавший городские сплетни, которые он большей частью сам и выдумывал; граф — “идиот и безграмотный”; сапожник с Выборгской стороны; двое пьяниц; две дамы сомнительной нравственности и “только два действительно хороших агента”. Тем, кто хотел служить опорой престола, стражем царя и Отечества, оставалось лишь “глубоко скорбеть, что в настоящем своем положении беспомощности и всеобщего отчуждения они бессильны принести какую-либо осязательную пользу”¹⁰⁰.

Не сработала и функция социального прогноза, которой политическая полиция должна была владеть для “предупреждения преступлений”. “Око Государево” не разглядело мирного, созидательного потенциала культурной работы народников в деревне. Реакция правительства на деятельность разночинной интеллигенции была столь же неадекватной, сколь и недаленовидной. Ярчайший пример тому — процесс 193-х (1877). 90 человек — значительная часть всех задержанных — будучи привлечены к суду, по выражению обвинителя Желеховского, “для фона”, в ожидании оправдания провели по несколько лучших лет жизни в предварительном заключении. А потом 80 из этих 90 оправданных были сосланы под надзор полиции административным порядком.

Месяцы и годы тюрьмы, которые для одних кончались сумасшествием или смертью, а для других становились школой политической борьбы;

¹⁰⁰ Цит. по: Сидорова М., Лурье Ф. Взлеты и падения сыщика Филиппеуса // «Новый журнал». 1996. № 1. С. 91—92.

административные высылки; исключение из учебных заведений; полицейский надзор и прочие “репрессии, непропорциональные преступлениям”, надолго вырывали молодых людей из мирной обыденности, вызывали ожесточение и укрепляли решимость идти по революционному пути. Как писал один из “государственных преступников”, “высокопоставленные глупцы думают, что их нелепые меры имеют предупредительное значение; если бы они знали, что каждое новое притеснение все теснее и теснее смыкает кружок честных людей... Придет и наше время, когда мы дадим единодушный кровавый ответ”¹⁰¹. Это время наступило в конце 1870-х — начале 1880-х годов, когда сформированный всей предшествующей логикой и практикой антиправительственной борьбы революционный тип развернул свою деятельность под знаменем “Народной воли”.

¹⁰¹ Нечаев и нечаевцы. М.—Л. 1931. С. 21.

Гибель царя-реформатора и реформа политической полиции

Еще задолго до рокового 1 марта, в конце 1870-х годов, наметились серьезные проблемы в деятельности органов государственной безопасности. Страну потрясла череда терактов.

Отсутствие гарантий прав личности, полная незащищённость перед лицом власть имущих порождали соответствующие формы протеста. Выстрел Веры Засулич прогремел в ответ на наказание розгами Алексея Боголюбова, произведённое 13 июля 1877 года в Доме предварительного заключения по приказу Петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова¹⁰². Парадоксально, но в той конкретно-исторической ситуации подобный акт воспринимался как средство защиты законности.

Впечатление от приговора, вынесенного судом присяжных, едва ли не превышало впечатление от самого теракта. Неожиданное для многих оправдание В.И. Засулич дало террору, по выражению С.М. Кравчинского, «санкцию общественного признания». «Нам стыдно», – говорили в среде революционной молодёжи, – «что раньше не сделали, как

¹⁰² Алексея Боголюбова (Андрея Емельянова) арестовали во время демонстрации у Казанского собора в Петербурге 6 декабря 1876 года. Он был осужден на 15 лет каторги, но к моменту столкновения с Треповым приговор еще не вступил в законную силу. Кроме того, за дисциплинарные нарушения, к которым и придрался Трепов, каторжан положено было наказывать только по прибытии к месту заключения. Так что выходка Трепова совершенно справедливо была расценена как произвол, хотя, конечно, в обществе и революционных кругах никто в юридические тонкости не вдавался. Эта акция, как отмечал А.Ф. Кони, подготавливалась своеобразной "агитацией" в пользу телесных наказаний по отношению к политическим заключенным, чтобы отнять у неразумных и дерзких мальчишек право "считать себя действительными преступниками, опасными для государства, а поставить их в положение провинившихся школьников, заслуживающих и школьных мер исправления: карцера и розги" (А.Ф. Кони. Избранное. М. 1989. С. 294—296). Боголюбов умер, как сообщает тот же мемуарист, в госпитале центральной тюрьмы в Ново-Белгороде "в состоянии мрачного помешательства". А боголюбовская история породила настроение "всеобщего ожидания, что даром это не пройдет" (В.Г. Короленко. История моего современника. Т. 2. Л. 1976. С. 435).

она»¹⁰³. Волна террора нарастала, политические убийства превращались из эксцессов в обыденную практику революционной борьбы.

Покушение на товарища прокурора Киевского судебного округа М.М. Котляревского (23 февраля 1878 г.), на адъютанта Киевского губернского жандармского управления Г.Э. Гейкинга (24 мая 1878 г.), убийство С.М. Кравчинским шефа жандармов Н.В. Мезенцева белым днем на людной улице (4 августа 1878 г.) — застали власти врасплох. Отчаянное положение диктовало «исключительные меры». 9 августа 1878 года появился закон «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени»¹⁰⁴.

9 февраля 1879 года Григорий Гольденберг застрелил харьковского военного губернатора князя Д.Н. Кропоткина за жестокое обращение с политическими заключенными в местном центре. 26 февраля в Москве был убит секретный сотрудник политической полиции Н.В. Рейнштейн. 13 марта того же года Леон Мирский стрелял в нового шефа жандармов А.Р. Дрентельна. Заметим, что все эти теракты были совершены еще до появления «Народной воли», с которой обычно связывают терроризм последней четверти XIX века.

Покушение А. К. Соловьева на Александра II (2 апреля 1879 г.) вызвало к жизни Высочайший указ 5 апреля 1879 года – Европейская Россия была разделена на шесть временных генерал-губернаторств¹⁰⁵. В полнейшую зависимость от административного произвола попадали местные учреждения и жители, чье личное достоинство, свобода, жизнь оказывались в распоряжении генерал-губернатора, который мог любого своей властью подвергнуть тюремному заключению на неопределенный срок или предать

¹⁰³ Группа «Освобождение труда». Историко-революционный сборник. Т. 2. Л. 1924. С. 277.

¹⁰⁴ Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 53. Отд. 2. С. 90.

¹⁰⁵ Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 54. Отд. 1. С. 298.

военному суду. По официальным данным, с апреля 1879-го по июль 1880 года за «неблагонадёжность» под надзор полиции было выслано без суда, административным порядком, 575 человек¹⁰⁶.

Политическая полиция продолжала действовать по старинке, усиливая наружное наблюдение, проводя опросы дворников «о подозрительных личностях, в их домах проживающих», повальные обыски и аресты среди этих личностей. Типичны были методы начальника Киевского губернского жандармского управления В.Д. Новицкого — устраивая настоящие облавы, он «просто запускал невод в мало знакомые ему воды: авось кроме мелкоты, которую можно будет выпустить, попадетса и крупная рыба»¹⁰⁷.

Эти меры не всегда оказывались безрезультатными — во время массовых арестов октября 1878 года в застенки угодила верхушка «Земли и Воли»¹⁰⁸. Но как определить, кто есть кто? Как, к примеру, найти среди многоликой толпы подозреваемых виновников гибели Мезенцева? Владимира Сабурова (Оболешева), который отказался давать показания, подписывать что-либо, фотографироваться и не назвал свое настоящее имя, чуть не повесили как Кравчинского¹⁰⁹. Сабуров умер в крепости, а из показаний Г. Гольденберга узнали точные приметы убийцы шефа жандармов и то, что он находится в Европе.

В плане внедрения осведомителя в лагерь противника революционеры конца 70-х тоже переигрывали политический сыск. Речь идет о знаменитом

¹⁰⁶ Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России. Саратов. 1976. С. 94.

¹⁰⁷ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М. 1991. С. 22.

¹⁰⁸ "Земля и Воля", основанная в 1876 году, пыталась придерживаться ортодоксальных народнических позиций, выступая за оседлую пропаганду в деревне с целью подготовки народного восстания и воспринимая террор преимущественно как меру самозащиты. Тем не менее, партия признавала политические убийства "одним из лучших агитационных приемов, ... осуществлением революции в настоящем" (Историко-революционная хрестоматия. Т. 1. М. 1923. С. 139). Разногласия между сторонниками продолжения прежней линии, «деревенщиками», и «политиками», ратовавшими за необходимость политической борьбы путем систематического применения террористических методов, стали причиной раскола организации на «Черный передел» и «Народную волю» в августе 1879 года.

¹⁰⁹ Былое. Пг. 1918. № 2 (30). С. 176.

Николае Васильевиче Клеточникове, который два года провел в средоточии тайной полиции, на службе — у революционеров. С подачи землевольца Александра Михайлова и по протекции вдовы жандармского полковника Анны Петровны Кутузовой, Клеточников был зачислен наблюдательным агентом III отделения “по вольному найму”. Вскоре он был переведен в агентурную часть, а потом и в секретную 3 экспедицию чиновником для письма (не прервалась карьера Клеточникова и после передачи функций III отделения Департаменту полиции).

“Ему давались в переписку совершенно секретные записки и бумаги, к числу которых принадлежали списки лиц, замеченных по неблагонадежности и у которых предполагались обыски, и шифрованные документы”¹¹⁰, — говорил на суде после разоблачения Клеточников его патрон генерал Г.Г. Кириллов. “Особенным усердием” Клеточников завоевал “полное доверие начальства” и орден Святого Станислава третьей степени, а также горячую благодарность революционеров, которых снабжал ценнейшей информацией. Наделенный даром фотографической памяти, он надиктовывал Михайлову списки агентов, материалы показаний задержанных и тексты документов III отделения, доступ к которым все увеличивался по мере его продвижения по службе.

“Ангел-хранитель” землевольцев, а потом и народовольцев помогал им преодолевать те препоны, которые ставили антиправительственной деятельности обветшавшие методы политической полиции, углубляя кризис последних с каждым днем своего пребывания в III отделении.

К тому же, способы действия властей вызывали определенную ответную реакцию в революционном лагере. “Исполнительный Комитет Российско-революционной Партии” советовал прокурору Санкт-Петербургской судебной палаты А.А. Лопухину, руководившему следствием по делу об убийстве Мезенцева “воздержаться от чересчур обширной системы арестов”. 9 августа 1878 года он получил предостережение “на

¹¹⁰ Троицкий Н. Подвиг Николая Клеточникова // Прометей. М. 1972. № 9.

надлежащем бланке и за печатью Комитета”, заявляющее: “Мы не потерпим, чтобы за нас мучили людей, виновных только в том, что они разделяют с нами наши социальные идеи”. Для выяснения причастности задержанных к покушению “третьеотделенским ищейкам” предоставлялся двухнедельный срок, в течение которого должен быть выпущен каждый, против кого не обнаружится “ясных улик в убийстве генерала Мезенцева”. В противном случае, предупреждали Лопухина — “смертный приговор над Вами будет произнесен”¹¹¹.

Новая тактика антиправительственной борьбы вызывала в верхах панику, новые организационные формы революционного движения загоняли политическую полицию в тупик. С каждым дерзким покушением террористов очевидней становилась беспомощность органов сыска перед лицом сплоченной, строго законспирированной организации.

В России сформировалось подполье с его особой психологией. “Бродячий образ жизни, неопределенность существования и постоянное ожидание ареста, — вспоминал Л. Дейч, — развивали в “нелегальном” привычку к опасностям, полное равнодушие к своему будущему, готовность в любой момент расстаться со своей свободой, а то и с самой жизнью... Отсюда также вытекало его стремление сделать что-нибудь заметное, крупное, громкое”¹¹². Круг революционеров смыкался все тесней, резче становилась грань, отделяющая его от остального мира. Именно эта среда создавала героев “Народной Воли”.

Невозможность вести эффективную социалистическую пропаганду в существующих внутривнутриполитических условиях выдвигала на первый план задачу изменения государственного строя. Политической борьбой без массовой поддержки могла быть только борьба террористическая — наиболее “производительный” способ “употребить ничтожные революционные силы”. В гуще народничества происходила радикализация

¹¹¹ Архив “Земли и Воли” и “Народной Воли”. М. 1930. С. 90—92.

¹¹² Дейч Л. За полвека. Берлин. 1923. Т. 2. С. 48, 130, 133.

настроений, спонтанно возникала террористическая практика, росла потребность возвести ее в принцип. Все эти обстоятельства вызвали в 1879 году раскол “Земли и Воли”. Судьба “Черного передела” лишний раз доказала бесперспективность революционной пропаганды в деревне. Рождение “Народной Воли” знаменовало переход революционеров к единоборству с самодержавием.

Программа Исполнительного комитета гласила, что члены “Народной воли” “по своим убеждениям... социалисты и народники”, ближайшей задачей партии объявлялся “политический переворот с целью передачи власти народу”, террор должен был служить орудием устрашающим для правительства и агитационным для народа. Однако террористическая деятельность, всё глубже затягивавшая революционеров в свой водоворот, требовала напряжения всех сил и оставляла всё меньше места для рассуждений о том, что будет “после”. Признавая, вслед за теоретиком русского бланкизма Петром Ткачёвым, российскую монархию “висящей в воздухе” самодовлеющей силой, которая не имеет опоры ни в одном общественном слое, народовольцы считали, что гибель самодержца разрушит существующую политическую систему. Так был открыт сезон “охоты” на императора.

В дневнике А.Д. Милютин за 1879 год имеется симптоматичная запись: “...Нельзя не признать, что все наше государственное устройство требует коренной реформы, снизу доверху. ...Правительство в своих действиях ограничивается полицейскими мерами, вместо того, чтобы действовать против самого корня зла”¹¹³.

Глобальные изменения внутривластного курса не входили в компетенцию III отделения, но в существующих условиях оно оказывалось бессильным в борьбе с самовоспроизводящимися заговорами и

¹¹³ Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. М., 1950, с. 139-140.

злоумышлениями. Попытка распутать клубок проблем, создающих столь бесперспективное положение вещей, была предпринята “Верховной распорядительной комиссией по охране государственного порядка и общественного спокойствия” под руководством графа М.Т. Лорис-Меликова, которая была учреждена Александром II 12 февраля 1880 года после очередного теракта¹¹⁴ “в твердом решении положить предел беспрерывно повторяющимся в последнее время покушениям дерзких злоумышленников поколебать в России государственный и общественный порядок”¹¹⁵. В подчинение этому временному органу переходило и III отделение.

Для “изыскания средств врачевания причин, породивших крамолу и поддерживающих ее”¹¹⁶ Лорис-Меликов обратился с воззванием “К жителям столицы”, от которых в комиссию нескончаемым потоком потекли предложения и проекты. Например, автор одного из них предлагает против крамолы в России целый комплекс мер — “полицейских и органических”. “Задача полицейских мер, — пишет он, — состоит в предупреждении проявления вредных замыслов и в раскрытии организации и основного источника революционной пропаганды. Задача органических мер состоит в уничтожении тех причин и условий, которые делают возможным возникновение и распространение в стране революционной пропаганды”¹¹⁷. Сосредоточив свое внимание на “органических мерах”, автор замечает, что “для успешности полицейских мер прежде всего необходимо полное и безусловное фактическое подчинение всей полиции в государстве, тайной и явной, одному лицу”¹¹⁸.

Объявляя первостепенной задачей комиссии “принятие решительных мер к подавлению наиболее возмутительных действий анархистов”¹¹⁹, Лорис

¹¹⁴ 5 февраля 1880 года Степаном Халтуриним был организован взрыв в Зимнем дворце.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 52. Л. 36.

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 52. Л. 36 (об).

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

Меликов справедливо счел необходимым сначала удостовериться в боеспособности армии политического сыска. Ревизия, проведенная летом 1880 года сенатором И.И. Шамшиным, привела к неутешительным выводам. Государственный секретарь Е.А. Перетц записывал в дневнике со слов Шамшина: “Дела велись в III отделении весьма небрежно. Как и понятно, они начинались почти всегда с какого-нибудь донесения, например тайного агента, или записанного полицией показания дворника. Писаны были подобные бумаги большею частью безграмотно и необстоятельно; дознания по ним производились не всегда; если же и производились, то слегка, односторонним расспросом двух-трех человек, иногда даже почти не знавших обвиняемого; объяснений его или очной ставки с доносителем не требовалось; затем составлялась докладная записка Государю, в которой излагаемое событие освещалось в мрачном виде, с употреблением общих выражений, неблагоприятно обрисовывающих всю обстановку. Так, например, говорилось, что обвиняемый — человек вредного направления, по ночам он сходится в преступных видах с другими подобными ему людьми, ведет образ жизни таинственный, или же указывалось на то, что он имеет связи с неблагонадежными в политическом отношении лицами; далее упоминалось о чрезвычайной опасности для государства — от подобных людей в нынешнее тревожное время и в заключение испрашивалось разрешение на ссылку в административном порядке того или другого лица. При таком направлении деятельности III отделения не удивительно, с одной стороны, что ему частенько вовсе были неизвестны выдающиеся анархисты, а с другой, что оно почти без разбора ссылало всех подозрительных ему лиц, распложая людей, состоящих на так называемом нелегальном положении...”¹²⁰

Органам сыска нужно было дать возможность сконцентрировать усилия на борьбе с самой серьезной угрозой, избавив от несвойственных им

¹²⁰ Перетц Е.А. Дневник. М. 1927. С. 3—5.

функций. Глубина проникновения в революционное подполье могла быть обеспечена только за счёт сужения круга полномочий “высшей полиции”.

1 августа 1880 года Лорис-Меликов подал на высочайшее имя записку о преобразовании полиции. 6 августа Указом о закрытии Верховной распорядительной комиссии упраздняется и временно подчиненное ей III отделение “с передачей дел оногo в ведение Министерства Внутренних Дел...”, в составе которого был создан Департамент государственной полиции, призванный сосредоточить все нити “политического розыска и наблюдения”. Товарищ министра внутренних дел, на которого было возложено (с 1882 г.) руководство Департаментом, являлся также командиром Отдельного корпуса жандармов (шефом жандармов был сам министр). Так должна была достигаться согласованность работы полиции “тайной и явной”.

Происхождение провокации

или кто виноват?

«Цель политического розыска — **предупреждение**, пресечение и исследование преступных деяний государственных». Эта формула верна для службы государственной безопасности любой эпохи.

Между тем, череда терактов конца 1870-х — начала 80-х годов загоняла власти в тупик. Политическая полиция всё более утрачивала контроль над ситуацией. Как «предупреждать преступления» при неосведомлённости о планах и личном составе тайной организации? Принять превентивные меры невозможно, остаётся лишь реагировать на свершившийся факт. Основным методом жандармов старой школы оставалось «систематическое наблюдение и последовательные аресты членов сообщества». Трагедия 1 марта 1881 года стала зримым доказательством небоеспособности армии политического сыска, оказавшейся не в силах уберечь императора.

Постепенно руководство политической полиции приходило к заключению, что подрыв бастионов противника следует вести изнутри. Внешнее давление оказывалось неэффективным главным образом потому, что, устраняя недовольных, политическая полиция не устраняла причины недовольства, что, собственно, и не входило в ее задачи. Стало совершенно очевидно, что для освещения непроницаемой тьмы революционного подполья нужна внутренняя агентура. И в связи с этим многие щекотливые вопросы, неизбежно возникающие в процессе деятельности политической полиции, вставали особенно остро. Какую линию поведения должен избрать секретный сотрудник, проникший в противозаконное сообщество? «Активным участником в преступлениях секретный агент ни в каком

случае не может быть допущен»¹²¹, — доказывал генерал В.Д. Новицкий¹²². Но что способен узнать человек, который далек от дел нелегальной организации?

Правда, под рукой жандармов старой школы подрастало молодое поколение деятелей политического розыска. В Киевском жандармском управлении у того же В.Д. Новицкого начинал знаменитый Г.П. Судейкин, развернувший широкомасштабную вербовку внутренней агентуры «нового образца» из числа ренегатов революции. Их внедрение в организационные структуры нелегальных партий позволяло бы не только контролировать революционное движение, но и манипулировать им. Даже «провал» секретного сотрудника правительства был бы ему на руку, подтачивая силы революционного лагеря, сея в нём подозрительность и неуверенность в своих бойцах. Повальные обыски и скоропалительные аресты сменила тщательно продуманная филерская опека над объектом наблюдения, предварительное установление его связей и т. д. При самой массовой ликвидации о ком-то намеренно «забывали» — свечу оставляли гореть на подоконнике, увлекая всё новые жертвы в искусно расставленные сети.

Стиль работы жандармской молодёжи вызывал у старших коллег брезгливое негодование. Однако к середине 80-х гг. «Народная воля», «казнившая» Александра Освободителя, была разгромлена.

Как же это произошло и какова в этом роль Георгия Порфирьевича и его «инновационных» методов?

Георгий Порфирьевич Судейкин, в июне 1878 года назначенный адъютантом Киевского губернского жандармского управления, сразу обнаружил свои розыскные дарования. Уже тогда он производил

¹²¹ *Цит. по:* «Социалист-революционер». Париж. 1910. № 2. С. 65.

¹²² Новицкий Василий Дементьевич (1837—1907) — начальник Киевского губернского жандармского управления с 1878-го по 1903 год; затем — Одесский градоначальник.

яркое впечатление не только на руководство политической полиции, но и на революционеров, которым «посчастливилось» с ним столкнуться.

Один из южных «бунтарей», Владимир Дебагорий-Мокриевич вспоминал о судебном заседании, где выступал Судейкин: «...Высокий и стройный молодой человек, очевидно, позировал перед публикой. Особенно интересен он был, когда ораторствовал в качестве главного свидетеля по делу о вооруженном сопротивлении. Видимо, себя он считал героем и до того рисовался и хвастался перед судом и публикой, так много болтал, подчас просто бессмыслицу, не относящуюся к делу, лишь бы только болтать и вертеться перед глазами всех, что гадко было на него смотреть. Человеку этому, как мне казалось, ни до каких убеждений никакого дела не было, и для него все мы, нигилисты, представляли просто лакомый кусок: на нашей гибели он строил свою карьеру»¹²³.

Судейкин не упускал ни единого случая, дающего хоть какую-нибудь надежду на то, что ему удастся переманить попавшего к нему в руки революционера на свою сторону. «Всем арестованным он рекомендовал себя как социалиста, сторонника мирной пропаганды, отрицающего только террор и борющегося исключительно с ним. Всем без разбора он делал предложения вступить в агенты тайной полиции, не для предательства людей, говорил он, а лишь для осведомления о настроениях партии и молодежи»¹²⁴. Играя на человеческих слабостях, побуждая к легкой наживе, растравляя самолюбие, используя любые лазейки, чтобы поколебать революционную убежденность своих «собеседников», Судейкин достиг большого мастерства в деле приобретения секретных сотрудников.

¹²³ Дебагорий-Мокриевич В.Л. От бунтарства к терроризму. Т. 2. М.—Л. 1930. С. 86

¹²⁴ Фигнер В. Запечатленный труд. Т. 1. М. 1921. С. 272.

Он действительно сделал блестящую карьеру. Таланты Судейкина не остались незамеченными, и в начале 1883 года специально для него была учреждена небывалая прежде должность «инспектора секретной полиции». Судейкину вручались поистине колоссальные полномочия. Согласно инструкции от 29 января 1883 года, на него, «в видах единообразного направления» производимых секретной полицией розысков, возлагалось «ближайшее руководство» деятельностью Московского и Петербургского охранных отделений, а также Московского, Харьковского, Киевского, Херсонского и Одесского жандармских управлений. Начальники этих учреждений обязаны были по первому требованию сообщать инспектору секретнейшие сведения «как об организации, личном составе и стоимости состоящих в их заведовании агентур, так равно и о ходе розысков». Кроме того, Судейкин мог отныне распоряжаться в «святая святых» политического розыска: «а) вступать в непосредственное заведование местными агентствами, б) передвигать часть их личного состава из одной местности в другую подведомственного ему района и в) участвовать в решении вопроса об отпуске на расходы по этим агентствам денежных средств»¹²⁵.

Однако «поцарствовал» Судейкин недолго. 16 декабря того же года он был убит народовольцами Н. Стародворским и В. Конашевичем на квартире его собственного агента Сергея Дегаева. После его гибели должность инспектора секретной полиции осталась не замещенной.

Именно с помощью Дегаева политическая полиция к 1883 году разгромила последние силы «Народной воли».

Сергей Петрович Дегаев, исключенный за неблагонадежность из Артиллерийской академии, студент Института инженеров путей

¹²⁵ *Цит. по:* Перегудова З.И. Политический сыск России (1880—1917). М. 2000.

С. 379—380.

сообщения, состоял в «Народной Воле» с 1880 года. На первые роли в организации он выдвинулся после ареста в марте 1881 года большинства членов Исполнительного Комитета, причастных к убийству императора. Вера Фигнер привлекла его к попытке восстановления партийного центра. В декабре 1882-го он был арестован в Одессе при провале типографии. Получив согласие на сотрудничество, 14 февраля 1883 года полиция устроила Дегаеву фиктивный побег, и он оказался под крылом Георгия Порфирьевича.

За четыре месяца работы на Судейкина он выдал Военную организацию «Народной воли» целиком, арестам подверглись сотни революционеров, в том числе и последний не покинувший Россию член Исполнительного Комитета — Вера Фигнер, которая оказала ему такое доверие. Ознакомленная в заключении с показаниями Дегаева, она с негодованием писала: «Не только сколько-нибудь видные деятели были названы по именам, но и самые малозначительные лица, пособники и укрыватели, разоблачались от первого до последнего... Военные на севере, на юге были изменнически выданы поголовно: от военной организации не оставалось ничего. Все наличные силы партии были теперь как на ладони, и все лица, причастные к ней, отныне находились под стеклянным колпаком»¹²⁶. Причем Дегаев был не просто агентом политической полиции, а провокатором. Он создавал на местах новые организации, которые немедленно оказывались в поле зрения полиции, продолжал с благословения Судейкина выпуск журнала «Народная воля», получатели которого тут же попадали под арест.

Вообще, слово провокация часто употребляется неправомерно. Для революционеров любое сотрудничество с полицией, иными словами, предательство — «провокация». Но в строгом смысле слова провокация заключается не просто в проникновении тайного агента в подпольную

¹²⁶ Фигнер В. Запечатленный труд. Т. 1. М. 1921. С. 304.

организацию для освещения ее деятельности. Высшие чины политической полиции, которые, кстати, неизменно предостерегали своих подчиненных от использования в розыскной работе провокационных приемов, были гораздо ближе к точному определению этого понятия. «Состоя членами революционных организаций, секретные сотрудники ни в коем случае не должны заниматься так называемым «провокачеством», т. е. сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли»¹²⁷, — гласила инструкция по ведению агентурного наблюдения.

В мае 1883-го, «для выяснения замыслов русской эмиграции» Сергей Дегаев вместе с женой выехал в Париж, где покался перед заграничным представителем Исполнительного Комитета «Народной воли» Львом Тихомировым. Может быть, его загрызла совесть, или взял свое страх перед разоблачением. Тихомиров, со свойственной ему «скромностью», объясняет откровенность Дегаева так: «Ехал он за границу, конечно, не для такого самозаклания, а для того, чтобы и заграничных народовольцев опутать полицейскими сетями. ...Но при разговорах со мной в нем пробудилось прежнее уважение к старым деятелям ИК, даже преклонение перед ними. Он дрогнул при мысли поднять руку и на меня»¹²⁸.

Рано или поздно, Дегаев должен был понять, что является лишь подручным инструментом в карьерных играх Судейкина. Не исключено, что ради семейного счастья и спокойного будущего, он просто попытался выйти из игры. Ценой свободы Дегаева, теперь уже от революционных уз, стала жизнь Судейкина. Организовав убийство своего патрона, Дегаев удалился в Новый Свет, где мирно окончил дни профессором математики.

¹²⁷ *Цит. по:* «Из глубины времен». СПб. 1992. № 1. С. 73.

¹²⁸ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М. 2000. С. 390.

Итак, история, повторяюсь, общеизвестна, хотя при ее изложении в различных источниках и возникают некоторые разночтения. Что же касается самого любопытного — неких широкомасштабных планов Судейкина, с помощью которых ему и удалось заполучить столь ценного агента — о них в один голос твердят все авторы, касающиеся этого сюжета. Ни у современников, ни у исследователей не вызывает сомнения, что Судейкин предлагал Дегаеву совместными усилиями, заключающимися в разумном чередовании удачных и неудачных покушений на высших должностных лиц, героическом отлавливании террористов и раскрытии все более и более ужасающих заговоров, поставить правительство в полную зависимость от всемогущего инспектора секретной полиции и самого Дегаева, который направлял бы деятельность революционного подполья. Тем самым изобретательный Судейкин якобы предполагал вынудить верхи на проведение в стране прогрессивных преобразований.

Но откуда мы знаем об этих планах? Да еще в таких подробностях, которые приводятся в литературе. Вероятно, со слов самого Сергея Дегаева. Насколько же мы можем ему доверять?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, попытаемся уяснить мотивы его действий и, главное, той интерпретации событий, которую он предлагал в своих позднейших объяснениях.

Быть может, Дегаева толкнуло на путь сотрудничества с охранкой самолюбие, «ахиллесова пята революционеров», как утверждал Александр Грин (а он, примерявший на себя ярмо эсеровской партии, знал, о чем говорил). Вера Фигнер писала: «Мелкого самолюбия и честолюбия в Дегаеве я не замечала, и лишь впоследствии от Корба мне стало известно, что он два раза начинал разговоры о приеме его в члены Исполнительного Комитета»¹²⁹. Хотя она же вспоминала, что в семье Дегаева (мать, брат и две сестры) сильна была «любовь к исключительному», тяга к эффектам и

¹²⁹ Фигнер В. Запечатленный труд. Т. 1. М. 1921. С. 279.

преувеличениям. Каждый представитель этого семейства, принадлежавшего к лагерю «сочувствующих» революции, стремился играть некую роль.

Необходимо заметить, что людям непосвященным повседневная действительность «нелегала» могла казаться непрерывным приключением, однако это — миф. Подпольщика далеко не всегда ждал яркий подвиг, в жизни члена революционной организации была своя рутина.

Невозможность реализовать свой героический порыв в будничной революционной работе вызывала неудовлетворенность. Партийный диктат и жесткие ограничения существования в подполье угнетали. Живая человеческая личность не выдерживала давления «вертикали чужих волей». Некоторые и провокаторами становились из-за того, что их индивидуальность, инициатива, эмоции оказывались под гнетом партийной дисциплины — возникало ощущение, что настоящая жизнь проходит где-то в стороне.

Существует мнение, что истинным мотивом сотрудничества Дегаева с охранкой стали опасения за судьбу жены, попавшей в руки полиции вместе с ним. Коварный Судейкин предоставил супругам кратковременное свидание, и стремление сохранить семейное счастье перевесило партийный долг. Кроме того, Дегаев по собственному опыту знал, что сговор с врагом в принципе возможен, что этикой подполья это не возбраняется, лишь бы все шло на пользу «общему делу». Ведь именно он вместе с членом Исполнительного комитета Савелием Златопольским санкционировал «проникновение» в ряды противника своего брата Владимира. Удаленный из Морского корпуса за неблагонадежность, в 1881 году он был задержан с прокламациями и попал в оборот к Судейкину. И вот этот мальчик, с благословения старшего брата, должен был взять на себя роль двойного агента. Естественно, переиграть «умного, ловкого и

опытного сыщика» ему не удалось, и весной 1882 года Володя получил отставку.

К началу 1882 года Георгий Порфирьевич успел так насолить революционерам, что задачей дня стало его незамедлительное устранение. Работники динамитной мастерской Михаила Грачевского трудились, не покладая рук. Дегаев, как вспоминала А.П. Прибылева-Корба, «не брался за убийство Судейкина, но желал быть полезным» при его выслеживании. Он решил лично познакомиться с неуловимым сыщиком — Володя должен был попросить у Судейкина для брата какую-нибудь чертежную работу или переписку бумаг. Судейкин работу Сергею Дегаеву доставил и в процессе ее выполнения с ним общался. Но этот контакт оказался для народовольцев бесполезным и, сдав свои чертежи, Дегаев расстался с Судейкиным, сославшись на необходимость готовиться к экзаменам¹³⁰.

Отрешенный от дел Володя выехал из Петербурга в мае 1882 года, Сергей покинул столицу еще раньше. А в ночь на 3 июня динамитная мастерская Грачевского была арестована. Может быть, именно в этом реальный результат знакомства Дегаева с Судейкиным?

Я далека от мысли, что это и последующие события являются звеньями заранее обдуманного плана, но отметить такую версию не стоит. Во всяком случае, со слов Льва Тихомирова, перед которым исповедовался предатель, он сам предложил охранке свои услуги. Сергей «обратился через тюремное начальство с письмом на имя инспектора секретной полиции Судейкина, извещая, что он — Дегаев и просит личного с ним свидания»¹³¹.

Рассказывая Тихомирову о своем сотрудничестве с охранкой, Дегаев, наверняка, многое искажил. Он не врал, а именно

¹³⁰ «Былое». 1906. № 4. С. 12—14.

¹³¹ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М. 2000. С. 391.

См. также: «Былое». 1906. № 4. С. 36.

недоговаривал или, наоборот, выдавал за действительность собственные домыслы. Наполеоновские планы Судейкина могли стать прекрасной ширмой для оправдания поступков Дегаева благими намерениями и послужить доказательством того, что на роль простого шпиона он бы не согласился. Правды об этих планах мы не узнаем, ибо инспектор политической полиции никогда не доверил бы подобные мысли бумаге и проверить рассказы Дегаева нечем. Даже если создается впечатление, что Судейкину вполне могли быть присущи приписанные ему амбиции, он вряд ли стал бы чересчур откровенничать с агентом — для вербовки это слишком, а нескромность собеседника стоила бы ему карьеры. В любом случае, Судейкин, прежде всего, — прагматик, а не авантюрист.

Позднейшим интерпретаторам, начиная с того же Тихомирова, было выгодно выставить архибестией именно Судейкина, принижая роль Дегаева, которого взрастила их собственная среда.

Именно Судейкин и ему подобные деморализуют революционеров и общество — вот главная мысль статьи Тихомирова «В мире мерзости и запустения» («Вестник Народной Воли» № 2), которая явилась официальным партийным откликом на эту историю, получившую широкую огласку после убийства Судейкина. Эта позиция прекрасно объясняет, почему дегаевский миф получил такое распространение и прочно укоренился в сознании мемуаристов и исследователей.

«Георгий Порфирьевич Судейкин был типичным порождением и представителем того политического и общественного разврата, который разъедает Россию под гнойным покровом самодержавия»¹³². Беспринципный карьерист, выскочка, для которого хороши любые средства, ведущие наверх. «Ему, которого не хотели выпустить из роли сыщика, постоянно мерещился портфель министра внутренних

¹³² *Цит. по:* «Былое». 1906. № 4. С. 28.

дел, роль всероссийского диктатора, держащего в своих ежовых рукавицах бездарного и слабого царя»¹³³. Безмозглые сатрапы ставят Судейкину всяческие препоны, начальство не дает ему хода, добиться представления императору никак не удастся ... «Под влиянием таких-то столкновений у Судейкина рождаются планы, достойные времен семибоярщины или бироновщины...

Он думал поручить Дегаеву под рукой сформировать отряд террористов, совершенно законспирированный от тайной полиции; сам же он хотел затем к чему-нибудь придраться и выйти в отставку.

...Немедленно по удалении Судейкина, Дегаев должен был начать решительные действия: убить гр. Толстого, великого князя Владимира, и совершить еще ряд более мелких террористических фактов. При таком возрождении террора — понятно, ужас должен был охватить царя; необходимость Судейкина, при удалении которого революционеры немедленно подняли голову — должна была стать очевидной, и к нему обязательно должны были обратиться, как к единственному спасителю. И тут уже Судейкин мог запросить чего душе угодно ...

Его фантазия рисовала ему далее, как при исполнении этого плана, Дегаев в свою очередь делается популярнейшим человеком в среде революционеров, попадает в Исполнительный Комитет или же организует новый центр революционной партии, и тогда они вдвоем — Судейкин и Дегаев — составят некоторое тайное, но единственно реальное правительство, заправляющее одновременно делами надпольной и подпольной России...»¹³⁴

Дегаев при таком изложении событий выглядит пешкой в руках Судейкина.

¹³³ Там же. С. 30.

¹³⁴ Там же. С. 31.

С этой точкой зрения спорит в своих воспоминаниях, созданных в 1906 году, сестра Дегаева, Наталья Петровна Маклецова. Лейтмотив ее мемуаров: «так или иначе, Сергей Дегаев — историческая личность». Подтекст — она не просто сестра рядового предателя, она причастна к исторической личности: «Я близко знаю Сергея Дегаева: долгое время я была его лучшим другом и любимой сестрой»¹³⁵.

«Способности у Сергея были блестящие, ум большой и оригинальный; ...но в нем всегда замечалась одна особенность: все, что он начинал, он доводил непременно до конца, до крайности. Это свойство и погубило его. Отчаявшись после 1 марта в торжестве революционной партии, он попробовал достичь переворота другим путем, через правительство, и, конечно сломал себе голову...»¹³⁶ В общем, это Дегаев пытался использовать охранку в своих целях, а не наоборот. Однако его ожидал полный провал. За месяц до убийства Судейкина он, якобы, говорил сестре: «Этот мерзавец обманул меня кругом; царю он не представил меня, показал только Плеве и Победоносцеву; кажется, он хочет меня сделать обыкновенным шпионом; за это я ему отомщу...»¹³⁷

О том, как высоко Дегаев воспарил в своих мечтах о выдающейся политической роли, свидетельствует и Тихомиров в мемуарах, написанных уже после Октябрьской революции. Снова воспроизводя исповедь Дегаева, он вспоминает: «Вы, — говорил он мне, — знаете, что за ничтожества составляют так называемую партию. Ведь я был один на всю Россию. ...Но вот я выбыл из строя». Дегаев «не хотел пропадать, не хотел расстаться с мечтой какого-нибудь великого дела и поддался на фантазию совершить какое-то великое дело в союзе с гениальным сыщиком»¹³⁸. Дегаев оправдывал

¹³⁵ «Былое». 1906. № 8. С. 265.

¹³⁶ Там же. С. 266—267.

¹³⁷ Там же. С. 270.

¹³⁸ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М. 2000. С. 391.

себя перспективой «великих результатов в ходе развития России», которых не удалось добиться лишь из-за нечестной игры Судейкина.

После убийства Судейкина народовольцы выпустили две прокламации, в первой из них партия брала на себя ответственность за акцию 16 декабря, а во второй грозила возмездием тем, кто попытался бы помочь правительству разыскать Дегаева. Затем в № 10 «Народной Воли» появилось заявление Исполнительного комитета, которое должно было рассеять сомнения об отношении партии к предателю, оказавшему организации столь важную услугу. Акценты в этом документе расставлены чрезвычайно характерно.

«Малодушно-недоверчивое отношение к внутренней силе нашего дела и к наличным силам защищающей его партии, в связи с несчастным личным характером, представляющим уродливую смесь громадной самоуверенности и самонадеянности с позорным страхом за свою личную безопасность и благополучие, повели в одном случае к целому ряду глубоко прискорбных и прямо преступных действий...»¹³⁹ Предательство Дегаева — преступная ошибка, он оступился на пути к благой цели, хотел, «заручившись полным доверием самодержавной власти, нанести ей при случае решительный удар»¹⁴⁰. В конце авторы подчеркивают необходимость «очищения русской политической атмосферы от деморализации, развитой в ней Судейкиным»¹⁴¹.

Это заявление партии снова подтверждало право на существование дегаевского мифа. Человек, конечно, слаб, но революционная среда не может порождать предателей и провокаторов! **Тогда как на самом деле объективная возможность**

¹³⁹ «Былое». 1906. № 4. С. 35.

¹⁴⁰ Там же. С. 36.

¹⁴¹ Там же. С. 38.

подобных происшествий коренилась именно в условиях существования конспиративной организации, в самой природе подполья. Строгая иерархичность, власть структуры над отдельным членом партии, плотная завеса тайны над планами организации — все это открывало блестящие перспективы в борьбе с революционным движением. Так что, удержаться и не переступить ту «весьма тонкую черту», которая отделяет «сотрудничество» от «провокачества», как рекомендовали инструкции «лицам, ведающим розыском», было весьма нелегко.

Первый триумф Рачковского

Петр Иванович Рачковский¹⁴² — одна из наиболее интригующих, если не сказать демонизированных, фигур российского политического сыска. Недавно он стал одним из персонажей романа культового итальянского автора Умберто Эко со зловещим названием «Пражское кладбище» (М., 2012). Речь там идет о всемирном еврейском заговоре и знаменитых «Протоколах сионских мудрецов», к появлению которых якобы причастен Рачковский. Правда, многие считают, евреем его самого, основываясь на том, что в конце 1870-х годов Рачковский был секретарем редакции журнала «Русский еврей», и родился в черте оседлости, в Дубоссарском уезде Херсонской губернии, где его отец служил почтмейстером. Но исторические источники, убедительно доказывающие польское происхождение нашего героя, должны разочаровать любителей «жареных фактов». Да и я не возьмусь в этом небольшом очерке раскрыть все тайны его биографии. Хотя их, действительно, немало: начиная от таких, как роль Рачковского в российско-французском сближении накануне создания Антанты или версия о его причастности к убийству В.К. Плеве¹⁴³, до причин неожиданной отставки заведующего заграничной агентурой Департамента полиции в 1902 году.

История, которую я хочу рассказать, застаёт Рачковского еще на ответственном посту руководителя заграничной агентуры. Но нам придется вспомнить еще одну знаковую фигуру противостояния политической полиции и революционеров конца 1880-х годов — Льва Александровича Тихомирова. Это один из столпов «Народной воли», член Исполнительного комитета, признанный идеолог организации, автор практически всех ее

¹⁴² Рачковский Петр Иванович (1851—1910) — с 1885-го по 1902 год заведовал заграничной агентурой, а в 1905—1906 гг. — политической частью Департамента полиции, находясь в должности вице-директора.

¹⁴³ Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) — с 1881-го по 1884 год являлся директором Департамента полиции, с 1885-го по 1894 год был товарищем министра внутренних дел, с 1902 — министр внутренних дел; 15 июля 1904 года убит эсером Е.С. Сазоновым.

программных документов, редактор подпольной типографии партии. Даже оказавшись в эмиграции, он не мог не стать важнейшим объектом наблюдения политической полиции. Более того, его возможное влияние необходимо было нейтрализовать.

После разгрома «Народной воли» Тихомиров видел свой долг в том, чтобы доказать, что гибель героев 1 марта не означает смерть их дела. Человек крайне амбициозный, он всегда стремился находиться на ведущих позициях. Именно этих позиций и лишил его Рачковский, доведя «деморализацию» Тихомирова «до крайних пределов»¹⁴⁴.

Играть роль патриарха многоликой и разобщенной эмиграции было чрезвычайно сложно. В этой среде царили «партийные» и личные склоки, взаимное недоверие. Это недоверие постоянно подпитывалось появлением подозрительных личностей, выдававших себя за революционеров или сочувствующих. Одной из таких личностей оказался Аркадий Михайлович Ландезен — студент Цюрихского политехникума и агент Рачковского, возникший на горизонте русской эмиграции в начале 1885 г. Он занимает немаловажное место в нашей истории, и о нем мы еще поговорим. А двумя годами раньше на покаяние к Тихомирову явился Сергей Петрович Дегаев, провокатор, деятельность которого сокрушила остатки «Народной воли». Выяснение его роли, несомненно, стало для Тихомирова тяжелым моральным ударом.

Именно по следам Дегаева, купившего прощение преданных им народовольцев ценой жизни своего шефа — заведующего агентурой Петербургского охранного отделения, инспектора секретной полиции Георгия Порфирьевича Судейкина¹⁴⁵ — впервые, в 1884 году, прибыл в Париж и Рачковский, тогда еще рядовой сотрудник Департамента полиции. Вообще склонность к сыскной работе он, видимо, проявлял с молодых ногтей.

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. Д—3. 1887. Д. 69. Л. 15.

¹⁴⁵ Г.П. Судейкин был убит [16 декабря 1883 года](#) на конспиративной квартире в Петербурге народовольцами [В.П. Конашевичем](#) и [Н.П. Стародворским](#) при содействии С.П. Дегаева.

Как сообщает биограф Рачковского, с 1869-го по 1871 год, он служил чиновником канцелярии Одесского градоначальника с откомандированием в распоряжение полицмейстера; затем работал помощником судебного следователя в Ковно и «временным судебным следователем» в Пинеге Архангельской губернии. Весной 1879 года вернувшийся в Петербург Рачковский был привлечен к следствию по делу Леона Мирского, совершившего покушение на шефа жандармов Александра Романовича Дрентельна. Рачковского подвели его неблагонадежные знакомства, приобретенные среди политических ссыльных в Архангельской губернии. Зато его не подвело чувство самосохранения. Рачковский предложил свои услуги политической полиции и был внедрен в среду набиравших силу народовольцев¹⁴⁶. Правда, долго в роли агента он не продержался, разоблаченный легендарным Николаем Клеточниковым¹⁴⁷. Пришлось на некоторое время уехать в Вильно, а летом 1883 года Рачковский был зачислен в штат Министерства внутренних дел и начал службу под руководством подполковника Судейкина.

Судейкиным, кстати, был завербован и Ландезен — «в девичестве» Аарон Мордухович Геккельман, а впоследствии Аркадий Михайлович Гартинг, с 1900 года заведовавший Берлинской агентурой Департамента полиции. И все они использовали и совершенствовали судейкинские методы борьбы с революционным движением, столь же бессовестные, сколь и эффективные: следовало развивать внутреннюю агентуру, можно было не побрезговать и провокацией. Как писал впоследствии Рачковский,

¹⁴⁶ Брачев В.С. Заграничная агентура ДП (1883—1917). СПб. 2001. С. 19—21.

¹⁴⁷ Клеточников Николай Васильевич (1846—1883) — с 1879-го по 1881 год служил в III отделении, а затем в Департаменте полиции. Как помощник делопроизводителя секретной части обладал доступом к важнейшей информации, которую использовал для помощи землевольцам и народовольцам. В 1881 году был арестован, приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Умер в Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

политическая полиция должна «находиться не позади возникающих революционных предприятий, а идти им навстречу»¹⁴⁸.

Но вернемся к эмигрантам. Будучи еще скромным школяром Ландезеном, талантливый сотрудник Рачковского должен был освещать народовольческие круги в Швейцарии, а затем во Франции, куда он перебрался в 1886 г. в качестве студента парижского Сельскохозяйственного института. Втереться в доверие к вечно настороженным эмигрантам ему помогла еще одна черта, отличавшая существование этих «потерпевших кораблекрушение» людей — их беспросветная нужда.

В частности, тому же Льву Тихомирову средства к жизни доставляло его сотрудничество (разумеется под псевдонимом) с русскими журналами «Отечественные записки» и «Дело», а в середине 1884 года они были закрыты. Так вот Ландезен, представившийся сыном варшавского банкира, всегда был готов помочь материально. Он жил на одной квартире с Алексеем Николаевичем Бахом¹⁴⁹, быстро превратив ее в гостеприимный уголок, где за щедрым столом, эмигранты вели доверительные беседы. Ландезен был «свой парень», его не стеснялись. Бах познакомил его с Тихомировым, которого Ландезен тоже ссужал деньгами.

Может быть, сближение агента с объектом, а может быть и личная прозорливость Рачковского позволила ему нащупать самое уязвимое место Тихомирова. Как я уже говорила, он всеми силами стремился поддержать авторитет «Народной воли», продолжая играть в революционном движении центральную роль. Ключевая фраза в этом контексте — «играть роль».

Влиять на молодые умы в России эмиграция могла только с помощью печатного слова. С огромным трудом было налажено издание «Вестника Народной воли». Редакция находилась в Париже, руководили ею

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. 102. Д—3. 1892. Д. 888. Л. 32.

¹⁴⁹ Бах Алексей Николаевич (Абрам Литманович, Александр Николаевич) (1857—1946) — биохимик и физиолог растений, академик [АН СССР](#). С 1883 г. член киевской организации [«Народной воли»](#). С 1885-го по 1917 г. в эмиграции.

Петр Лаврович Лавров¹⁵⁰ и Тихомиров. Из России поступала информация — о ситуации в стране, о преступлениях царского режима и героической борьбе революционеров — переплавлявшаяся во вдохновенные статьи с призывом не слагать оружие. Участие в издании «Вестника Народной воли» было для Тихомирова жизненно важным.

Во многом поэтому журнал стал главной мишенью для Рачковского. Его агенты установили местонахождение женеvской подпольной типографии, и в ночь на 9 ноября 1886 года она была буквально разгромлена — *отпечатанную литературу уничтожили, весь запас шрифта разбросали по городу*. Тихомиров отдал последние силы на восстановление типографии, издание было возобновлено. Вслед за этим, — сообщал начальству Рачковский, — «последовал ряд хвастливых зазорных уверений его друзьям в том смысле, что он, Тихомиров, несмотря ни на какие потери, никогда, пока он жив и безопасен, не допустит «Народную Волю» сойти с её передового места в революционном движении»¹⁵¹. Но в феврале 1887 г. налёт повторили.

«После уничтожения народовольческой типографии, — докладывал Рачковский директору Департамента полиции Петру Николаевичу Дурново, — эмигранты решили поднять тревогу в иностранной печати и воспользоваться означенным случаем, чтобы выступить перед Европой с ожесточёнными нападками на русское правительство. Зная о таком намерении, я решил не только противодействовать ему, но, вместе с ним, и деморализовать эмиграцию с помощью той же печати, на которую революционеры возлагали столько надежд». Рачковский организовал во французской прессе целую кампанию по дискредитации русской

¹⁵⁰ Лавров Пётр Лаврович (1823–1900) – философ, социолог и публицист, один из идеологов революционного народничества; окончил Петербургское артиллерийское училище, в 1844–1866 гг. преподавал в военных учебных заведениях. Общественная активность Лаврова привела к высылке его в Вологодскую губернию (1867), откуда он бежал; в 1870 г. эмигрировал. В 1873–1877 гг. издавал журнал «Вперёд!», в 1883–1887 гг. – «Вестник Народной Воли».

¹⁵¹ ГА РФ. Ф. 102. Д—3. 1887. Д. 69. Л. 15.

революционной эмиграции. И «результаты оказались самые блестящие: получая отповедь на каждую свою заметку в нескольких органах радикальной парижской печати, эмигранты скоро вынуждены были замолчать»¹⁵².

Отчитываясь перед начальством за расходы на проведение операции, Рачковский писал: «Ход борьбы с Тихомировым создал необходимость в брошюре, где под видом «исповеди нигилиста» разоблачались бы кружковые тайны и тёмные стороны эмигрантской жизни, тщательно скрывавшиеся от посторонних. Г. Гансен¹⁵³, выбравши французский стиль брошюры, отыскал для издания фирму, а самое печатание брошюры обошлось мне в 200 фр. Наконец, на отпечатание двух протестов против Тихомирова мною было дано из личных средств 300 фр.»¹⁵⁴. Средства, наверняка, были ему возмещены. А за всю эту «конспирацию» Рачковского произвели в чин губернского секретаря и наградили орденом св. Анны III степени¹⁵⁵. Ему удалось добиться не только прекращения крамольного издания, но и «довести ... Тихомирова буквально до бешенства, которое вскоре затем сменилось полным упадком как умственных, так и физических сил»¹⁵⁶.

Тихомиров был раздавлен. Разгром типографии совпал для него с очень тяжелыми личными обстоятельствами — хроническое безденежье, тяжелая болезнь сына. Находившийся на грани отчаяния, Тихомиров делает пометку в дневнике, который он вел в Париже с августа 1883-го по 21 января 1889 года: «я—ничто, нуль; я существо даже уже пришибленное; и в то же время я не могу отказаться от желания серьезно, глубоко влиять на жизнь»¹⁵⁷.

Вероятно, именно это желание, помимо всего прочего, заставило Тихомирова сменить роль теоретика «Народной воли» на роль идеолога

¹⁵² ГА РФ. Ф. 102. Д—3. 1888. Д. 28. Л. 24.

¹⁵³ Бывший советник французского Министерства иностранных дел, журналист (См.: Брачев В.С. Заграничная агентура ДП (1883—1917). СПб. 2001. С. 23).

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. Д—3. 1888. Д. 28. Л. 24.

¹⁵⁵ Брачев В.С. Заграничная агентура ДП (1883—1917). СПб. 2001. С. 23.

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. 102. Д—3. 1887. Д. 69. Л.15 (об.).

¹⁵⁷ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 1927. С. 200.

российской монархии, а пост редактора старейшей консервативной газеты «Московские ведомости», который он занял в 1909 году, тоже позволял ему «влиять на жизнь».

В 1888 году на 300 франков (тоже из «личных средств» Рачковского), переданных ему Ландезеном¹⁵⁸, Тихомиров опубликовал свою знаменитую брошюру «Почему я перестал быть революционером». «...Когда мне приходилось разорвать с эмигрантами, — вспоминал он — я, по желанию Ландезена, изложил ему свои взгляды на глупости революции; он мне поддакивал и предложил денег на издание моей брошюры»¹⁵⁹. С помощью Рачковского, который произвел на Тихомирова впечатление «очень интересного и даже симпатичного человека»¹⁶⁰ в качестве секретаря русского посольства Петра Ивановича Леонова, он подал прошение о помиловании.

Рачковский планировал «вполне подавить ... необычайную по своей энергии революционную деятельность»¹⁶¹ Тихомирова, «разрушивши его исключительный революционный авторитет и поселив в нём недоверие к собственным силам»¹⁶², а затем предоставить его в распоряжение правительства «вполне легально, как русского подданного, сошедшего с ума за границей»¹⁶³. Однако, благодаря блестяще проведенной Рачковским спецоперации, русское правительство получило вместо «ненаказанного цареубийцы» талантливый идеолог самодержавия.

¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. 102. Д—3. 1888. Д. 28. Л. 25.

¹⁵⁹ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 1927. С. 314.

¹⁶⁰ Там же. С. 240.

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. 102. Д—3. 1887. Д. 69. Л. 16.

¹⁶² ГА РФ. Ф. 1762. Оп.1. Д. 6. Л. 3.

¹⁶³ ГА РФ. Ф. 102. Д—3. 1887. Д. 69. Л. 16.

Департамент полиции от В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского.

Смена приоритетов

В течение многих лет карательно-розыскной аппарат Российской империи действовал более или менее эффективно. Менялась политическая обстановка, эволюционировало антиправительственное движение, трансформировались структура и методы работы органов сыска. Просуществовав более полувека и заложив основы оперативной деятельности политической полиции, III отделение все более отставало от своего главного противника, растущего и крепнущего революционного движения. Распространение “крамолы” вширь усложняло процесс наблюдения за “движением умов”, углубление в подполье строго законспирированных организаций требовало развития внутренней агентуры, разногласия и соперничество с Министерствами внутренних дел и юстиции все более усложняли работу неповоротливой бюрократической машины, органической частью которой было III отделение. Все это вызвало появление Департамента полиции, созданного в недрах Министерства внутренних дел.

На первых порах в штате Департамента полиции насчитывалось всего 125 человек. Первое делопроизводство было распорядительным, второе — законодательным. Вопросами политического розыска ведало третье (секретное) делопроизводство, а с 1898 года — Особый отдел Департамента, который курировал также деятельность заграничной агентуры. Кроме того, в этом учреждении имелась справочная часть, которую составляли коллекция фотографий и библиотека нелегальных изданий, унаследованная от III отделения. На местах «розыскными и осведомительными» источниками Департамента полиции служили Губернские жандармские управления (ГЖУ), а также «Отделения по охранению безопасности и порядка» (ОО), существовавшие первоначально только в столицах и Варшаве. Этим, последним, учреждениям — наиболее «правильно организованным» и эффективно действующим — суждено было сыграть роль своеобразных

лабораторий, в которых отрабатывались новые приемы и методы розыскной работы.

Пройдя краткий этап организационного становления при И.О. Велио — первом директоре, Департамент полиции заработал в полную силу при Вячеславе Константиновиче Плеве (1846—1904). Он занимал пост директора с 15 апреля 1881-го по 20 июля 1884 года. Затем, как признанный специалист в области политического сыска, был назначен товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией. А 4 апреля 1902 года стал министром внутренних дел и шефом Отдельного корпуса жандармов. Плеве обладал ясными представлениями о задачах политической полиции и о способах их решения, то есть о методах работы.

Революционное движение не ограничивалось Петербургом и Москвой, что требовало реформирования структуры политического сыска. Служба наружного наблюдения, созданная задолго до организации Департамента полиции, была централизована с появлением в 1894 году при Московском охранном отделении Летучего отряда филеров. В 1902 году, по образу и подобию столичных, были образованы Охранные (или розыскные) отделения в губернских городах. Это позволяло Департаменту координировать деятельность сыска в масштабах империи.

Хотя появление этих подразделений вызвало и некоторые проблемы. С увеличением значения в деле политического розыска охранных отделений усиливается соперничество между ними и ГЖУ. Конфликтные ситуации вызывались нередким несоответствием чина и властных полномочий, а также тесным переплетением служебных функций представителей ГЖУ и ОО. Руководители охранных отделений, которые являлись офицерами Корпуса жандармов, в строевом отношении были подчинены начальникам ГЖУ. Начальники ГЖУ (обычно полковники или генерал-майоры), в свою очередь, в служебном отношении нередко подчинялись младшим по чину начальникам ОО. Функции ГЖУ (наблюдательная деятельность и проведение дознаний) и ОО (розыскная работа) формально были разведены,

однако на практике отделить одно от другого оказывалось невозможно, да и нецелесообразно. Все эти проблемы во взаимоотношениях местных органов политической полиции негативно сказывались на их взаимодействии.

Во вновь созданных структурах сосредоточивалась розыскная работа, их важнейшими подразделениями являлись агентурные отделы. Оперативно реагировать на все изменения в революционном лагере помогала налаженная система учета и обобщения информации (знаменитые «разноцветные» досье — красные карточки на эсеров, зеленые на анархистов и т.д.), обязательен был и обмен розыскными данными между заинтересованными учреждениями.

Во многом всем этим преобразованиям органы политической полиции обязаны Плеве, который видел главную задачу в совершенствовании агентурной работы.

Однако эта сфера деятельности таила в себе многочисленные сюрпризы. Любой секретный сотрудник мог оказаться двойным агентом как, например, знаменитый Евно Азеф, агент политической полиции и глава Боевой организации Партии социалистов-революционеров (БО ПСР) с 1903-го по 1908 год. С одной стороны, при участии Азефа было организовано убийство самого министра внутренних дел Плеве, который ратовал за развитие секретной агентуры. С другой стороны, его деятельность «обессилила террор в самую критическую для правительства и для революции эпоху»¹⁶⁴ — ни одного удачного теракта после покушения на великого князя Сергея Александровича 4 февраля 1905 года до конца Первой русской революции ПСР не осуществила. Но главным результатом подрывной работы Азефа стал острейший кризис партии (в конце 1908-го — начале 1909 г.), вызванный разоблачением секретного сотрудника полиции, ставшего одним из лидеров эсеров. Не доверяя больше ЦК, «гнезду измены и провокации», местные группы стремились к самостоятельности. Многие боевики вообще отошли от дел, в партии и в обществе набирали силу

¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 281. Л. 127.

антитеррористические настроения. После ряда неудач в начале 1911 года БО ПСР была распущена.

«Дело» Азефа не прошло бесследно и для органов сыска. Помимо скандальных запросов о провокации в Думе, политическая полиция стала всё чаще сталкиваться в своих рядах с феноменом двойных агентов. Нередко последние пытались найти выход из тупика, в который рано или поздно загоняла их игра на два фронта, с помощью терактов.

Наиболее ярким примером может послужить убийство Петра Аркадьевича Столыпина, совершенное 1 сентября 1911 года Дмитрием Богровым. О биографии террориста известно немало: 1887 года рождения, иудейского вероисповедания, сын состоятельных родителей, выпускник юридического факультета Киевского университета (февраль 1910), с декабря 1906 года состоял в группе анархистов-коммунистов, с середины 1907 года — секретный агент Киевского охранного отделения.

Освоив еще на гимназической скамье весь спектр социальных учений от либеральных до анархических, Богров примкнул к киевской группе анархистов-коммунистов. Однако их революционная активность вскоре потеряла для него интерес. К тому же, многие “соратники” не верили в серьезность его революционных убеждений, считая, что этот человек “бесится с жиру”. В лидеры Богрову выбиться не удавалось, да и кличка “Митька-буржуй” вряд ли ему льстила. В итоге он и оказался в объятиях Киевского охранного отделения. “Разочарованные или обиженные партией” революционеры были одной из наиболее предпочтительных категорий для привлечения к сотрудничеству, рекомендуемых инструкцией по организации и ведению внутренней агентуры.

На попроще секретного сотрудника он мог почувствовать упоение властью над судьбами недавних товарищей, пощекотать себе нервы игрой с чинами охраны, водя их за нос и никогда не сообщая исчерпывающей информации. Прославленный “охотник за провокаторами” В.Л. Бурцев приводит слова агента охранки, согласившегося дать ему “интервью”: “Вы не

понимаете, что мы переживаем. Например, я недавно был секретарем на съезде максималистов. Говорилось о терроре, об экспроприациях, о поездках в Россию. Я был посвящен во все эти революционные тайны, а через несколько часов, когда виделся со своим начальством, те же вопросы освещались для меня с другой стороны. Я перескакивал из одного мира в другой ... Нет!.. Вы не понимаете и не можете понять ..., какие я переживал в это время эмоции!”¹⁶⁵

Добавьте к этому постоянный риск быть разоблаченным и тому подобные острые ощущения. Когда Богров начал сотрудничать с политической полицией, ему было 19 лет. Вполне вероятно, что он соблазнился именно возможностью этой азартной игры, тешившей его уязвленное самолюбие. Но очень скоро Богров должен был осознать иллюзорность своего всемогущества. В действительности он оказался лишь пешкой в чужой игре, и снова его постигло разочарование.

Нельзя не учитывать и особенности той эпохи, которую суждено было пережить поколению Богрова. В сознательную жизнь оно вступало в 1905 году (в этом году Богров окончил гимназию), полном радужных надежд, безжалостно разбитых всего через пару лет. Потянулась глухая и унылая пора безвременья: революция потерпела поражение; единоборство с самодержавием героев-террористов растворилось в будничных расправах над городскими и урядниками... Привычные ориентиры теперь казались зыбкими, и оппозиционно настроенная молодежь осталась один на один с проблемой выбора своего места в мире.

Замысел о покушении на кого-либо из высших государственных сановников возник у Богрова еще в 1907 году и явился, по его словам, “прямым последствием анархических убеждений”¹⁶⁶. Позволим себе усомниться. Вот еще одна его фраза, произнесенная незадолго до покушения: “Все мне порядочно надоело и хочется выкинуть что-нибудь

¹⁶⁵ В.Л. Бурцев В погоне за провокаторами. М. 1989. С. 85—86.

¹⁶⁶ Убийство Столыпина. Свидетельства и документы. Нью-Йорк. 1986. С. 222.

экстравагантное...” Кстати, и его “экстравагантное” прошлое не давало так просто себя забыть. Подозрения со стороны “товарищей по оружию” о сотрудничестве Богрова с охранкой и требование реабилитации путем совершения какого-либо теракта настигали его снова и снова (впервые обвинение в “провокации” было выдвинуто против него в 1908 году, затем в 1910 и 1911 гг.). Все складывалось... Богров вернулся к своему давнему замыслу, и Столыпин был обречен.

Среди агентов попадались не только «перевертыши» или провокаторы, но и мистификаторы.

В феврале 1909 года начальник Московского охранного отделения Михаил Фридрихович фон Котен сообщил в Департамент полиции о том, что в его распоряжении имеются агентурные сведения о появлении новой террористической организации под впечатляющим названием — «Союз народной мести». Учредительный съезд союза якобы состоялся 14 января в Петербурге и утвердил программу, гласившую, что «в эпоху пассивности масс» бороться с существующим строем можно только с помощью террора. «Не зараженные пессимизмом самодеятельные личности», составившие «Союз», видят свою цель в «отмщении за всех жертв царского деспотизма, капитализма, крепостничества и православной церкви», путем уничтожения «всех коронованных особ и главных агентов царизма (министров, губернаторов и т. п.), попов», а также членов Государственной Думы, которую считают «наглым провокаторским учреждением»¹⁶⁷. В качестве организатора союза был назван некто Яновский, главой Московского комитета объявлялся студент Московского университета Борис Плетнев.

Во все розыскные учреждения империи были немедленно направлены запросы, однако на местах никаких сведений о личном составе и деятельности «Союза» не оказалось. Установив плотное наружное наблюдение за Плетневым и тщательно разрабатывая новоявленную

¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. 102. Ос. Отд. 1909 г. Д. 160. Л. 99—100.

террористическую группу, Московское охранное отделение тоже пришло к выводу, что «Союз» «не получил дальнейшего развития».

Однако летом он снова заявил о себе, издав воззвание «Сила против силы». От лица «вышедших из ... пустынь Туруханского края, бежавших от казни из рук палачей» членов «Союза», которые «недоступны для правительства под нерушимой броней конспирации», «товарищам гражданам» предлагалось помочь борцам с царской опричниной своею солидарностью, не поддаваясь на соблазны «конституционного пути, который клонится к усовершенствованному рабству и увеличению тиранизма»¹⁶⁸. На места снова полетели запросы. И снова донесений о том, что подобные воззвания где-либо получили распространение, в Департамент полиции не поступило.

В начале сентября полковник фон Котен сообщил, что по его данным, комитеты «Союза» имеются только в Петербурге и в Москве, на недавно состоявшемся втором съезде предполагалось создать организации в Нижнем Новгороде, Киеве и Варшаве, но эти планы реализованы не были. При этом фон Котен, докладывая Департаменту, что «не вполне полагается на объективность агентуры», сообщившей ему все эти сведения. Подтверждением «недостаточной объективности» информации стала проведенная 25 ноября 1909 года совершенно безрезультатная ликвидация ряда лиц, будто бы принадлежавших к «Союзу».

Этот эпизод розыскной деятельности, наверное, так бы и канул в Лету, если бы не новый виток в развитии истории «Союза». 15 октября 1910 года к Министру внутренних дел поступило ходатайство о разрешении созыва съезда представителей железнодорожных отделов монархических организаций России, которое сопровождалось сообщением о распространении в Москве программы «Союза народной мести».

Сигнал вызвал незамедлительную реакцию. По распоряжению товарища министра внутренних дел генерал-лейтенанта Павла Григорьевича

¹⁶⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 26. Л. 92 об.

Курлова, курировавшего политический сыск, Департамент полиции затребовал от Московского охранного отделения дополнительные сведения о «Союзе». Полковник Павел Павлович Заварзин, сменивший фон Котена на посту начальника Московской охранки, обратился к тому же агенту, который освещал эту группу прежде, и получил в наблюдение «террористок» Дикареву и Григорьеву, а также 12 конвертов с программой, подготовленных для отправки по разным московским адресам. По наведении справок, названные агентом лица, оказались «совершенно неинтересными в смысле политического розыска», что снова вызвало сомнение в объективности агентурных данных.

В ночь на 5 ноября 1910 года был арестован секретный агент Московского охранного отделения Иван Русанов. И выяснилось, что «Союз народной мести» представляет собой плод его фантазии, а издания этого «злоумышленного сообщества» он лично печатал на гектографе. Таким образом, почти два года агенту удавалось морочить охранку, получая при этом вознаграждение и беспокоя розыскные органы по всей империи.

Подобные инциденты вообще ставили под сомнение правомерность использования важнейшего средства политического розыска – внутренней агентуры.

С назначением в январе 1913 года товарищем министра внутренних дел заведующим полицией и командиром Корпуса жандармов Владимира Федоровича Джунковского (1865—1938) эти сомнения перетекли в практическую плоскость. Как пишет А.Ю. Дунаева, автор одной из последних монографий об этой интересной личности, «уже с первых шагов Джунковского на новом поприще обозначился конфликт между его взглядом на систему органов розыска как часть государственного аппарата, которая должна строго подчиняться действующим законам, и взглядом офицеров-«охранников», для которых на первом месте зачастую была конкретная

розыскная целесообразность, а не абстрактное представление о чести и достоинстве и формальное выполнение законодательных норм»¹⁶⁹.

Прежде всего, Джунковский поставил вопрос об отмене внутренней агентуры из числа нижних чинов в войсках. Хотя накануне этого распоряжения Департамент полиции издал целый ряд циркуляров, свидетельствующих о необходимости усиления агентурной работы в армии. Но человеку чести, каким, несомненно, являлся Джунковский, казалось совершенно «недопустимо, чтобы солдат был шпионом среди своих товарищей»¹⁷⁰. О результатах этого преобразования можно судить по мемуарам Константина Ивановича Глобачева, который встретил Февральскую революцию на посту начальника Петроградского охранного отделения: «С этого времени розыскные органы черпали сведения как бы мимоходом, случайные и весьма поверхностные. Например, известно было по некоторым данным, что уже в 1916 году настроение войск Петроградского гарнизона внушало опасения, но за отсутствием внутренней агентуры, вопрос этот не мог быть исследован с достаточной полнотой и конкретно, а потому и невозможно было заранее принять требуемые меры по ликвидации вредных элементов»¹⁷¹.

Подобным же циркуляром Джунковский запретил органам политической полиции иметь агентов среди учащихся средних учебных заведений. Реформы коснулись и наружного наблюдения. Жандармских унтер-офицеров, которые нередко использовались розыскными органами в качестве филеров, было предписано заменить вольнонаемными сотрудниками наружного наблюдения. Тогда им не пришлось бы переодеваться в «партикулярное платье» и отказываться от мундира — символа воинского достоинства. Джунковский был убежден, что высокое звание офицера вообще несовместимо с политическим розыском. Задача

¹⁶⁹ Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М. 2012. С. 156.

¹⁷⁰ Там же. С. 160.

¹⁷¹ Глобачев К.И. Правда о русской революции. М. 2009. С. 94.

максимум, которую он не успел осуществить — передать эту грязную работу штатским специалистам-юристам.

В 1912—1913 гг. несколько снизилась острота противостояния власти и общества, в революционном движении наступило временное затишье. И Джунковский счел момент вполне благоприятным для сокращения средств на секретную агентуру. Исследователи замечают, что самому существенному сокращению подверглись агентурные расходы Киевского ГЖУ. Расследование обстоятельств гибели П.А. Столыпина выявило не только халатность местных органов сыска, но и растрату начальником Киевской охранки подполковником Н.Н. Кулябко значительных казенных сумм. А.Ю. Дунаева вообще считает, что предвзятое отношение Джунковского к секретным сотрудникам «было вызвано скорее всего тем фактом, что именно при участии агентов-провокаторов Е. Азефа и Д. Богрова погибли два человека, которых Владимир Федорович глубоко уважал — великий князь Сергей Александрович и П.А. Столыпин»¹⁷².

Институт секретных сотрудников постепенно сокращался, также как и количество охранных отделений — «рассадников провокации»¹⁷³, по мнению Джунковского. В 1902 году охранных отделений было три, к 1908-му их количество возросло до тридцати одного. Кроме того, было создано восемь Районных охранных отделений, являвшихся промежуточным звеном между Департаментом полиции и местными органами политического розыска. И на первых порах РОО оказались достаточно эффективными, оперативно реагируя на возникающие проблемы и координируя работу местных органов политической полиции. 15 мая 1913 года были ликвидированы 8 охранных отделений, а осенью и все остальные, за исключением Петербургского,

¹⁷² Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М. 2012. С. 197.

¹⁷³ В одном из обзорно-аналитических документов Департамента полиции имеется следующее определение понятия «провокатор» — это «такое лицо, которое само принимает на себя инициативу преступления, вовлекая в это преступление третьих лиц, которые вступили на этот путь по побуждению агента-провокатора» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 345. Ч. 1. Л. 391 об.).

Московского и Варшавского. Та же участь была уготована Районным охранным отделениям, упраздненным в 1914 году (за исключением Туркестанского). Дела ликвидированных учреждений передавались Губернским жандармским управлениям.

«...Джунковский уничтожил охранные отделения в провинции и передал снова агентуру в руки губернских жандармских управлений, то есть вернулся к той старой отжившей системе политического розыска, которая была изменена опытным и умным министром Плеве»¹⁷⁴, — писал один из видных деятелей политического сыска Александр Иванович Спиридович. В сущности, структура политической полиции возвращалась к положению, существовавшему до 1902 года. Хотя, как мне кажется, вызовы времени требовали совсем другого ответа...

¹⁷⁴ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. Нью-Йорк. 1960.

Т. 2. С. 112.

